

МОСКВА

2013

2061.su

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В будущее люди пытались заглянуть всегда. Пророки, философы, учёные и писатели — все они пытались победить время и представить, что будет дальше. С той или иной долей фантазии, они составляли образ грядущего, который, отражаясь в людских делах, изменял и настоящее.

Так было со времён библейских, однако ничто не длится вечно. С конца 60-х годов прошлого века в просвещённых умах Европы и Америки окрепло новое направление футурологии — отказ от будущего и принципиального развития в целом. Достигнув выдающегося могущества и богатства, Европа объявила новый Золотой Век, назвав его «концом истории».

Схожий процесс происходил и в нашей стране. На фоне ежегодного строительства тысяч индустриальных объектов, на фоне впечатляющего освоения Сибири, за счёт которого мы держимся на плаву до сих пор — на фоне всего этого благолепия общество погружалось в апатию, граничащую с летаргией. Постепенно забыв обо всяком светлом будущем, ради которого и была нужна сверхмощная машина социалистической экономики.

Альтернативной мысли, как системы, не сложилось ни у нас, ни у них. Мечта мало-помалу отступила перед повседневностью, а суточные колебания индекса Доу-Джонса стали важнее, чем любые захватывающие и перспективные, но слишком трудные, дорогие и нерентабельные прожекты.

Этот процесс повлиял и на литературу, а в особенности — на футуризм в ней. Фантастика шаг за шагом забрела в идейный тупик, а современный фантаст, отказавшись от задач социальных или этических, играет в бисер, живописуя очередные бои Чингисхана с Наполеоном. Обычно — не понимая толком ни того, ни другого. Современная «фантастика завтрашнего дня», за редким исключением, есть упрощённая калька старых мастеров — неважно, американских или советских. Кроме неё есть фэнтези, есть феноменальный расцвет «попаданцев» в прошлое, есть антиутопии, предлагающие любой апокалипсис в ассортименте. Есть всё, кроме будущего.

С изобразительным искусством творится то же самое. Картина тем печальнее, что отечественная визуальная эстетика лежит в развалинах: яркие и самобытные советские наработки, что до сих пор с микроскопом изучают дизайнеры всего мира, в нашей стране отброшены как неактуальные. Создать что-то с нуля, да ещё и страшась собственной истории, не получилось, а может быть, и не хотелось. Смотреть на это сложа руки не представлялось возможным — так в конце 2010 года и открылось наше арт-сообщество, «СССР-2061».

Мы убеждены: будущее не предсказывают. Будущее — делают. А чтобы делать, необходимо знать, что хочешь от будущего. Необходимо создавать и визуализировать его образ. И не бояться «желать странного». Можно, как это случилось с нашей страной, не добраться до цели — но к ней никогда не придёт тот, кто даже не пытается её представить.

Другая задача — не только нарисовать образ будущего, но и определить его эстетику, опираясь как на образцы зарубежных, так и, главным образом, на уникальный советский опыт. Это, кстати, было ещё одной причиной, по которой мы назвали наше сообщество «СССР-2061». Не только потому, что до сих пор живём на его территории и за счёт его достижений. Не только потому, что СССР, как ни крути, был проектом уникальным, заточенным именно под прорыв в будущее. Но и потому, что другой визуальной эстетики, кроме советской, в нашей стране просто нет.

За два года мы провели два конкурса иллюстраторов, а недавно – конкурс короткого рассказа. Дальше будет больше, а пока перед вами сборник лучших работ, художественных и литературных. В сборник вошли 32 иллюстрации и 8 рассказов различных авторов. Каждый автор описал будущее немного по-разному – и это хорошо. Особенно приятно, что сквозь заскорузлую корку ретрофутуризма едва ли не впервые за последние годы прорастает нечто новое и само-бытное.

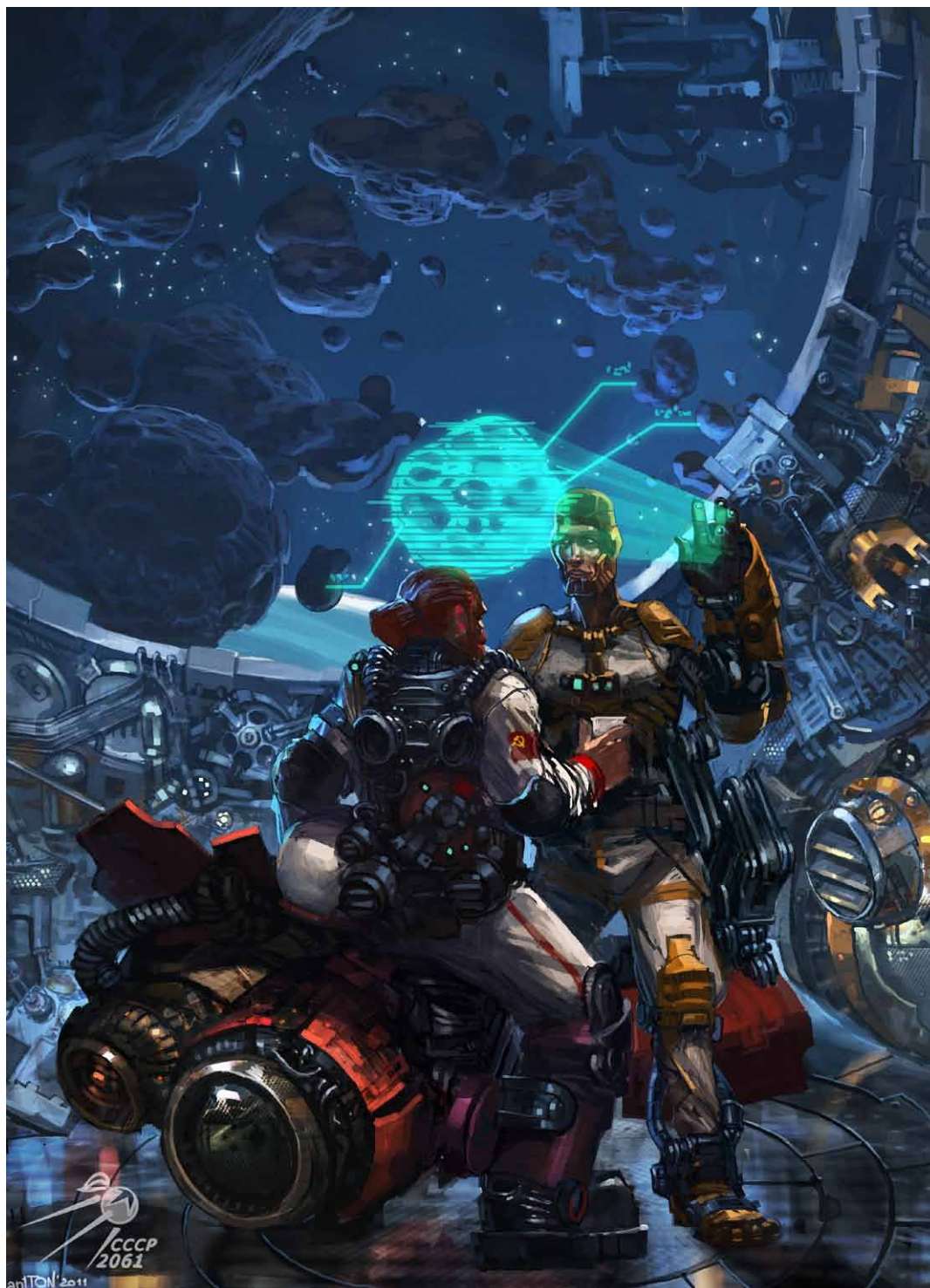
*В рассказах, как правило, уже нет того бесхитростного восторга перед возможностями науки и техники. Нет слепой веры в *deus ex machina*, характерной для «золотого века НФ». Зато есть неистребимая жажда будущего и страстная вера в человека. Картина мира не похожа на застывший барельеф очередного Города Солнца. Мир будущего – это непрерывный процесс движения, и то, что герои некоторых рассказов дописывают его картину прямо на ходу, делает её только притягательнее. Они достигают своих целей отнюдь не легко, и тем более не случайно. За их победами видна тяжёлая и опасная работа. И это правильно.*

Потому что будущее нам никто не подарит. Не перешлёт в порядке гуманитарной помощи. И не организует, выиграв тендер.

Будущее делаем мы сами.

Агитка
Анна Хлыстова (Spiritus-Sacre)

38я бригада экстратерральной инженерно-геологической разведки «Каменный Пояс 4м».
Технический перерыв «на почесаться»
Антон Иншаков (*antTON*)

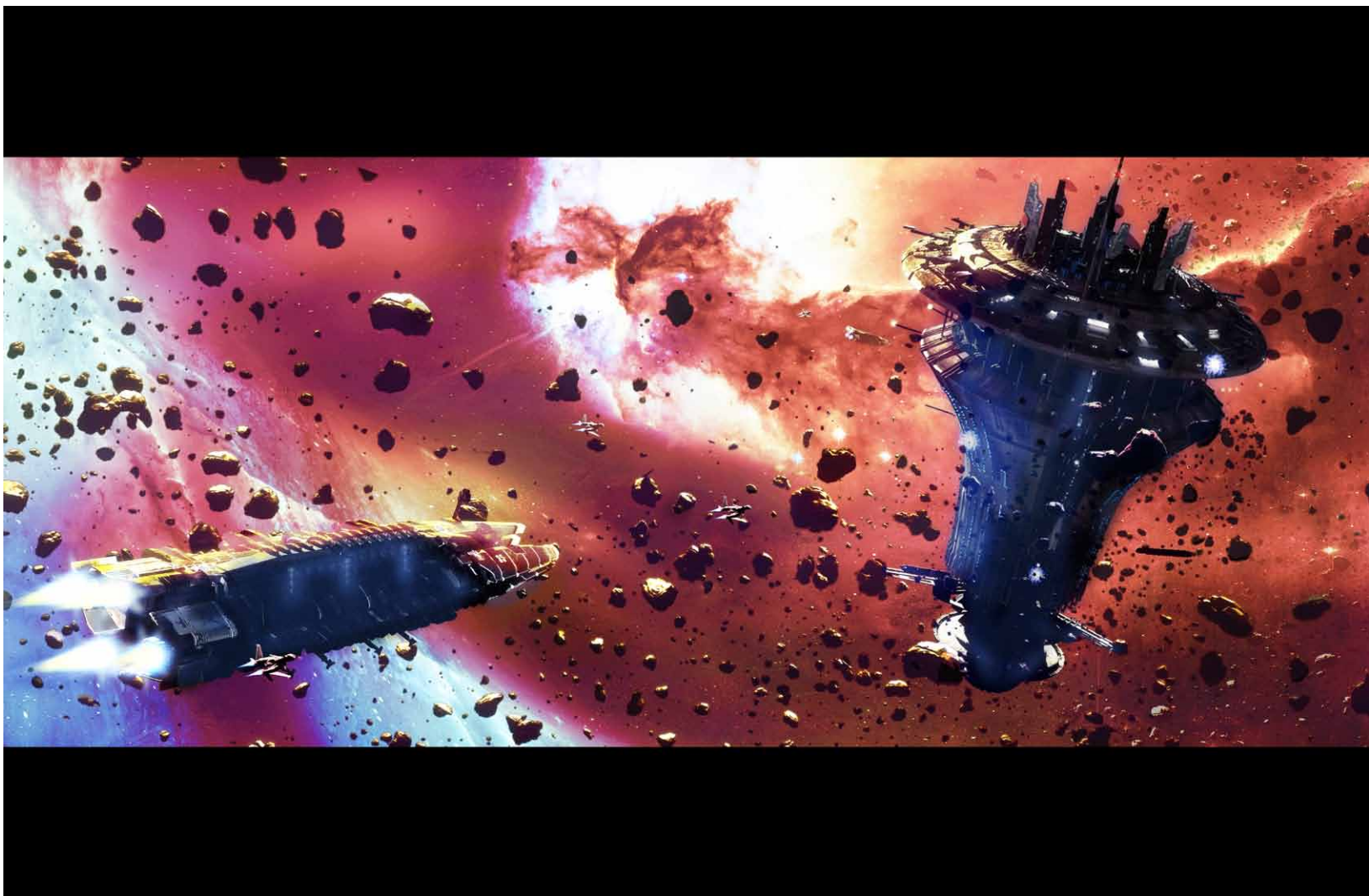
Станция
Тимур Шарафутдинов

Один на один с будущим
Артём Хаменок (КНА)

Дальняя геологоразведка
Виталий (Virt)

Новый рубеж
Геннадий Пашков

Вихрь
Геннадий Пашков

Астероид В-612

«Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам все починить, хоть это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю...»

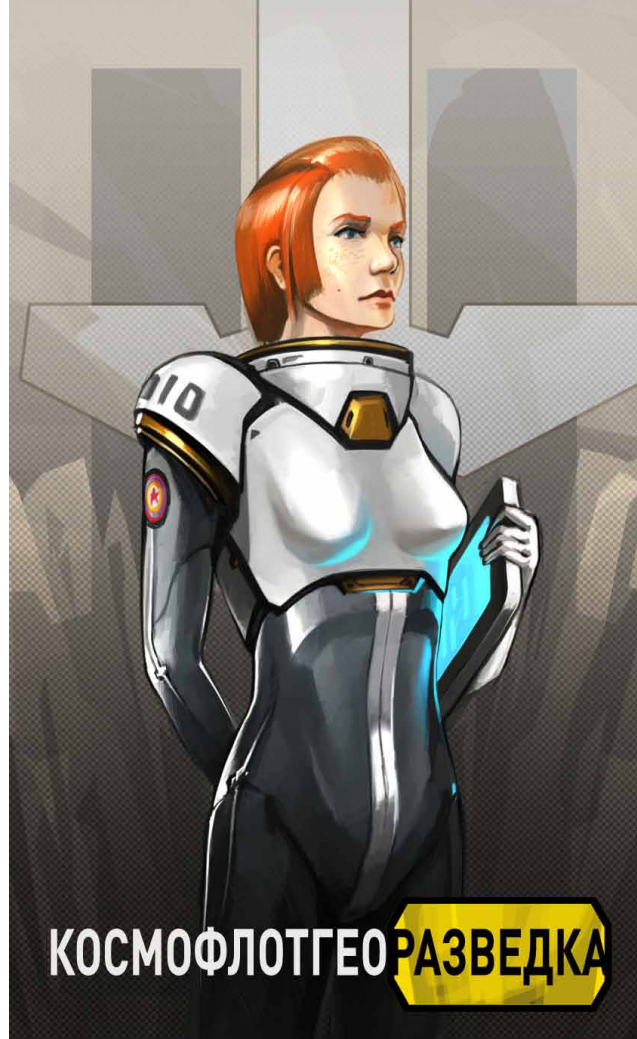
Макс Олин (*dalaukar*)

Мы нашли их!

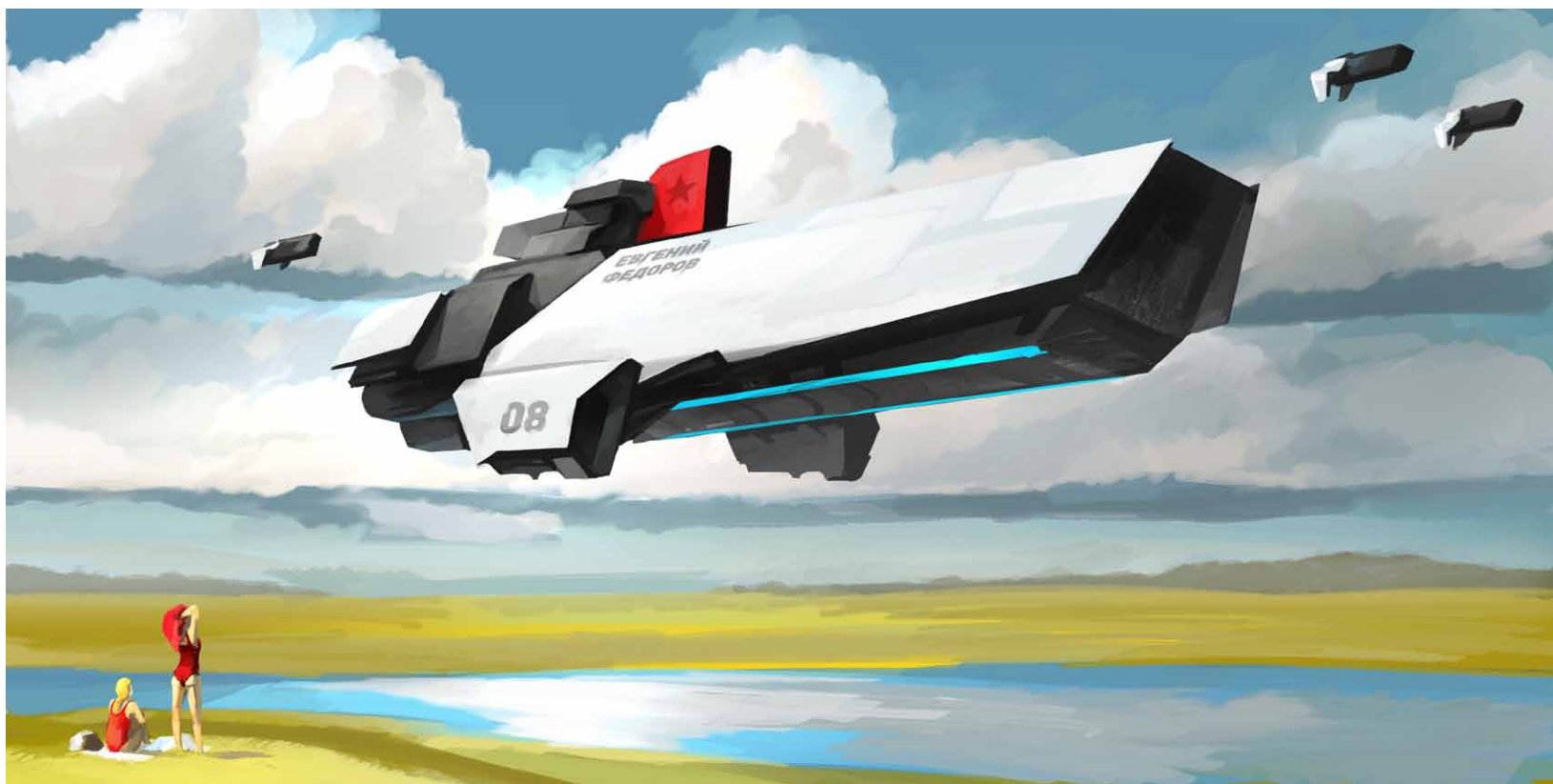
Член спасательной экспедиции IV флота СССР. В поисках потерпевшего крушение в Поясе астероидов научно-исследовательского корабля «Курск II».

Вячеслав Говако (Crashmgn)

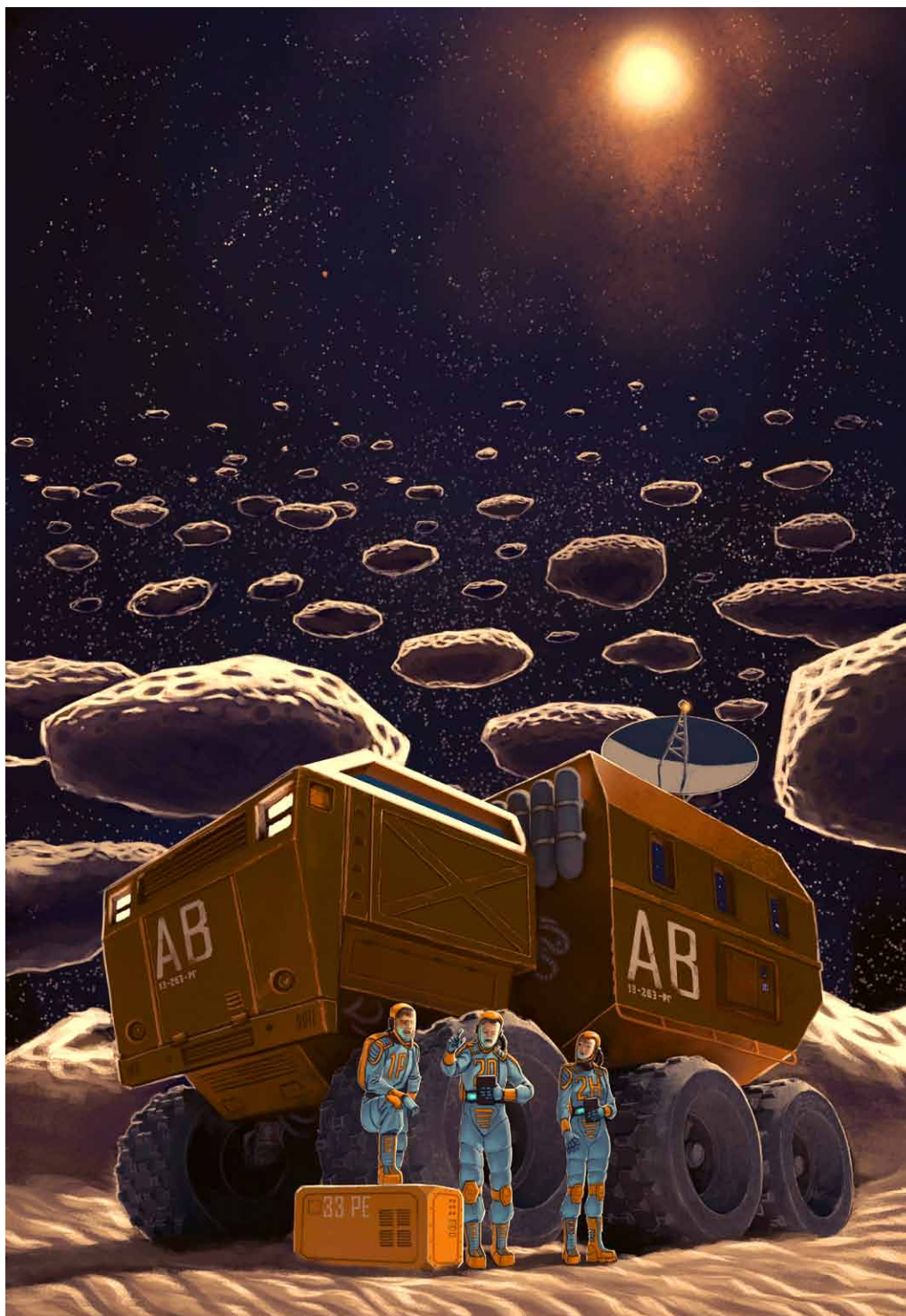
СЛАВА
ПОКОРИТЕЛЯМ
КОСМОСА!

Агитбаннер
Владимир Филатов

Земной старт
Владимир Филатов

Продвигаемся вглубь
Алексей Перьян (*reticent_i*)

Экзогеолог
Алексей Гризо

В складском модуле вновь было шумно: скрежетал вентилятор, прогоняя затхлый воздух, клацали о металлический пол магнитными подошвами ботинки, взвизгивали и шипели сервоприводы. Крысу эти звуки уже были знакомы, и он давно перестал их пугаться — более того, эти звуки означали, что у него есть доступ к закрытому пищеблоку, и теперь он чувствовал себя если и не владыкой этого маленького мира, то уж точно не тварью дрожащей. За три дня Крыс настолько привык к пришельцам, что даже решился на первый контакт, дав себя обнаружить за дегустацией скромного подношения, оставленного на пластиковой тарелке. Тогда-то он впервые и услышал эти резкие звуки, что сейчас доносились из-за контейнеров с оборудованием, коробок и стеллажей...

Войдя в тускло освещенное помещение склада, Нияз Андреевич недовольно поморщился, потирая свежий рубец на лбу — память о встрече с дверью, передумавшей открываться; она теперь тоже находилась в списке ремонтных работ, сразу же за вентиляцией, синтезатором пищи и одной из конечностей старика, но все это потом, сегодня надо успеть разместить маяки на астероидах и установить геодезические зонды. Вчерашний выход оказался малопродуктивным — отказал лазерный бур Пашки Астахова, на месте починить не смогли, оставалось надеяться, что на складе старой законсервированной базы найдется подобный инструмент или запчасти. Группа решила пока не беспокоить «главного», да и шаттл ожидался лишь через пару месяцев, так сильно разбросало их бригаду по 7 сектору кольца. И не через такое проходили они с Павлом и стариком: случались аварии на спускаемом модуле, когда приходилось экономить пищу, воду и, главное, кислород; приходилось бывать и под завалами, когда вся надежда только на расторопность поисковиков-спасателей.

Задачи стандартны, ситуация вполне штатная, даже если учитывать ветхость «Гавани», законсервированной исследовательской базы. Если бы получилось вывести реактор на полную мощность, то с помощью научно-производственного отсека вполне возможно починить неисправное оборудование... Поток столь занимательных мыслей был нагло прерван громким спором, и, зная Пашку, человека веселого и жизнерадостного, старший поспешил в дальний угол модуля. Конечно, это был не срыв, в космогеоразведку отбирали почти так же строго, как и в пилоты, но расстройства бывали даже у опытных космонавтов... В неровном желтоватом свете Павел читал книгу, довольно старую, судя по истрепанной обложке, читал вслух вполголоса, потому что старому было интересно, но он постоянно жаловался на зрение, хитро подмигивая всеми пятью фотоэлементами, и, баюкая вывихнутую конечно, вспоминал, что в молодости был куда проворнее. Геологи уважали старика и с удовольствием подыгрывали металлическому другу, пусть его функциональность не могла поспорить с последними образцами робототехники, но опыт, что накопила его личностная матрица, помогал решать самые нестандартные задачи. А то, что его ворчливость и детская обидчивость частенько приводили к забавным историям, — об этом в другой раз...

Крыс привычно принялся, беззвучно подкрался к ящикам, и, игнорируя двуногих, что обменивались звуками с третьим, от которого пахло невкусно, потянулся за своей добычей, прижимая большие уши для пущей незаметности.

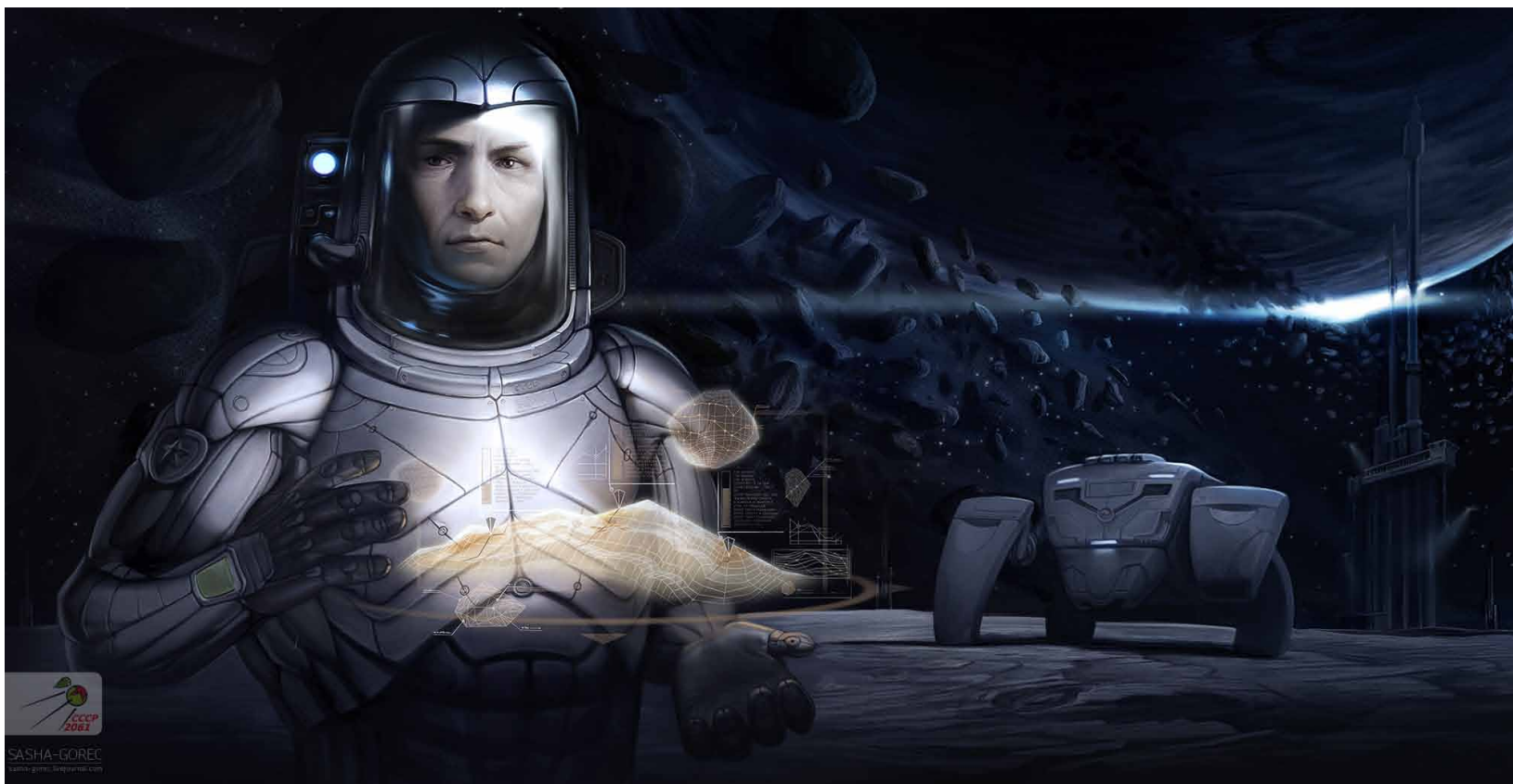
— Вот где герои! Сталь против стали! Колдуны! Девушки, ждущие спасителей! Эх, вот бы и нам приключение какое перепало, не все ж исследователям дальнего космоса достанется?! — фехтуя отверткой, выкрикивал молодой парень, облокотившись на «рыцарский» шлем и поставив ногу на поверженный горнопроходческий лазер.

Старик вновь стал приводить факты, указывающие на невозможность существования магии, ведьм, а следовательно, и героев, в его понимании этому термину пока не находилось места; затем, закряхтев, он замолк, обдумывая следовавшие скороговоркой фразы окрыленного победой Пашки...

Старший с удивлением заглянул в книгу, пробежал по строчкам и, хлопнув по титановому пузу старика, рассмеялся.

Вот где герои!
Василий Хазыков (Tuqodoomer)

Геологический анализ. 2061 г.
Александр Подгорный (sasha_gorec)

Транспортная магистраль
Евгений Лизин (soft-h)

Бурильщики внешних партий
Иван Бучко

Космопорт

Космопорт (бывший звездолет «Касион») на планете Гром-4. Грузовые катера. Докерная площадка.
Игорь Савин (SAVAS)

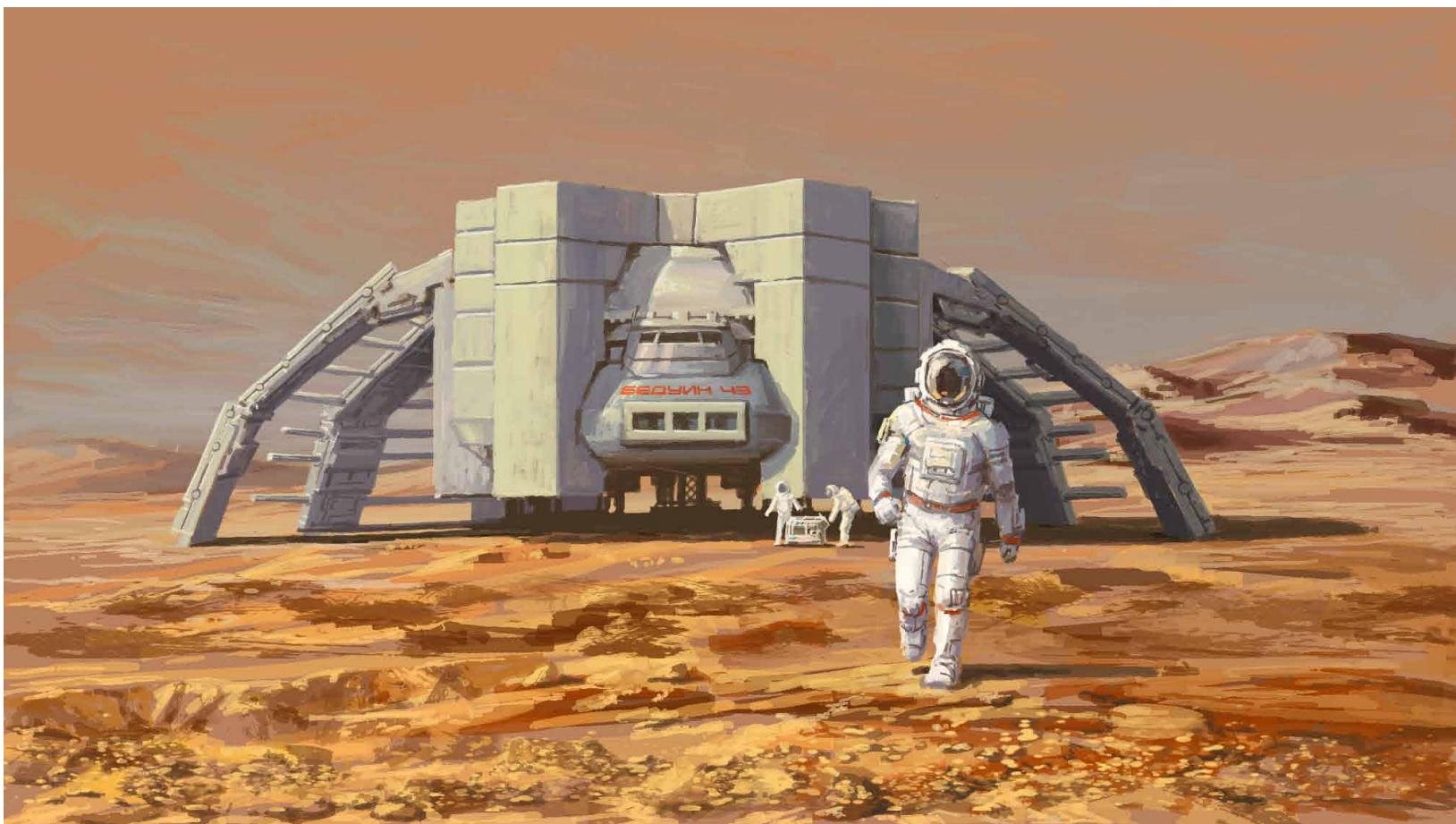

Транзит через планетную систему Арсун
Игорь Савин (SAVAS)

«Урал»

Завод «Урал» по переработке астероидов располагается в зоне астероидного кольца. Специализируется по астероидам класса М, которые доставляются к месту переработки буксирами-пауками.

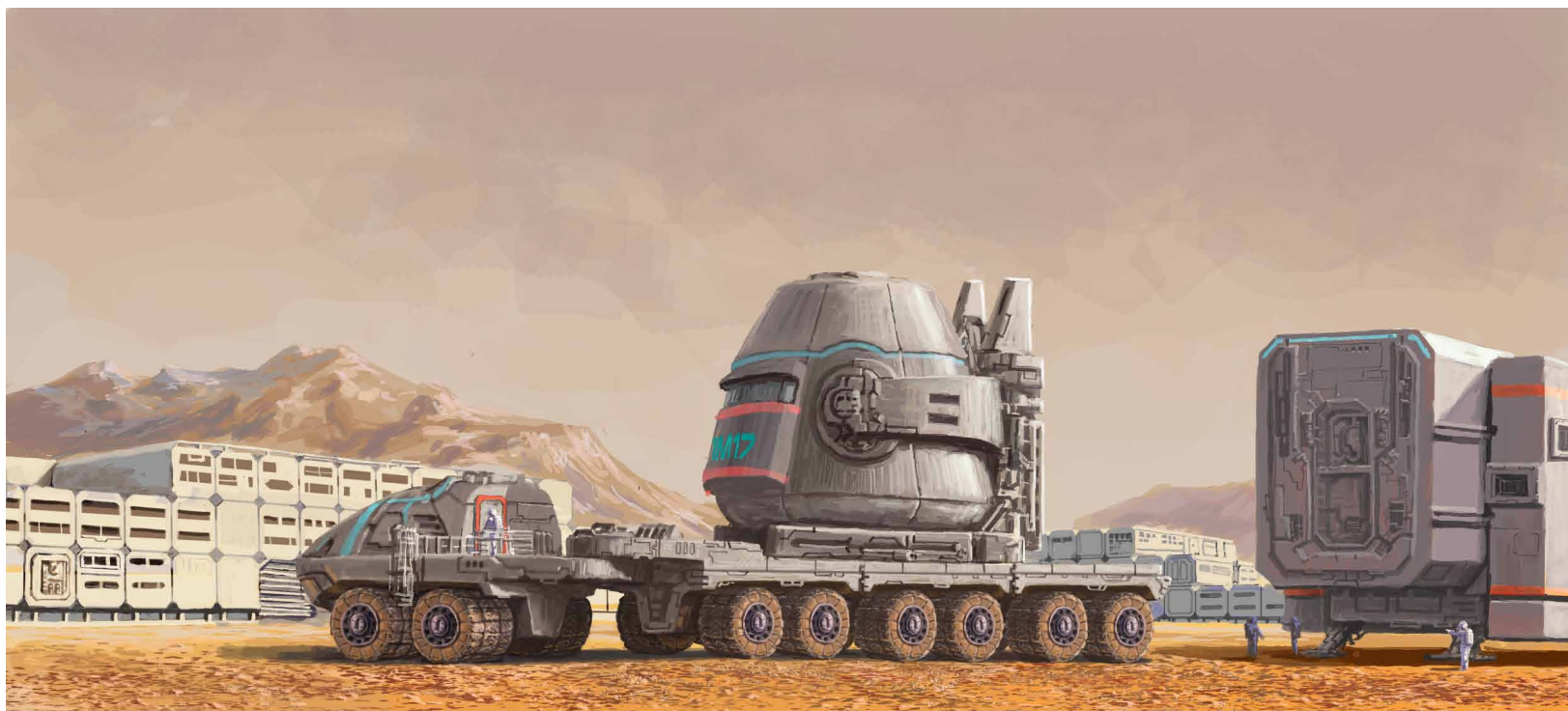
Игорь Савин (SAVAS)

Выход в свет

Мне неожиданно и дико повезло после карантина сразу попасть в экспедицию «кочующей» станции «Бедуин-43» — вместо того, чтобы месяц или два слоняться по коридорам базы и выполнять рутинную работу. Когда станция, прибыв на точку дислокации, приступила к процедуре «распаковки», начальник партии Кардышев включил меня в состав первого выхода. При этом он слегка посмеивался; я тогда и не догадывался, что началось «обмывание новичка».

Игорь Савин (SAVAS)

Не кантовать

На поверхности нас уже ждала команда космодромной службы — мы увидели её, когда рассеялись тучи пыли и песка, вызванные нашим появлением с небес. А они уже действовали быстро и слаженно, отстыковав нашу спасательную капсулу прямо на площадку транспортника. Когда нас увозили к ангарам станции, докеры уже разбирали грузовой отсек нашего модуля; они торопились — им предстояло принять еще десяток таких гостей.

Игорь Савин (SAVAS)

Шестеренкин трудится

10 апреля началось нашествие Голубых Лун. Бронза, пользуясь случаем, открыл все створы куполов, какие смогли сдвинуться, и сине-голубой свет проник на станцию.

Бронза занялся делом – уже вторую неделю он собирал материализатор, схему которого ему выдал Старина Мозг в момент очередного неожиданного выхода из кибертранса. Предполагаемое устройство было примитивным – всего три позиции материализации. Но Бронза обрадовался и этому – теперь овсяную кашу можно будет разводить не водой, а молоком... Шестеренкин как всегда проявлял большой энтузиазм: решив, что сегодня понадобятся такелажные работы с кранбалкой, подхватил цепи и принялся их настраивать. Он, как всегда, суетился, бегая туда-сюда вокруг полиспаста – и заиндуцировался. Цепь стала липнуть к его манипуляторам, обвилась вокруг корпуса... По началу Шестеренкин только пыхтел, пытаясь справиться с неожиданно возникшей проблемой, но затем Бронза сквозь все усиливающийся лязг цепей услышал возмущенное попискивание механизма. Так продолжалось еще минут десять, и затем наступила тишина. Шестеренкин запутался окончательно – он молчаливо висел раскачиваясь посередине зала, полностью обездвиженный и, видимо, размышлял.

Еле сдерживая смех, Бронза сделал вид, что ничего не замечает. Это было удачное происшествие и теперь можно спокойно поработать над материализатором.

– Сёма! – раздался внезапно голос Шестеренкина.

– Да?

– Ты знаешь что со мной приключилось? –

Шестеренкин не видел Бронзу, его оптический прибор прижало цепью и он обозревал только красивый танец Голубых Лун под куполом.

– Нет, а что?

– Я застрял, мне требуется твое сотрудничество.

Бронза, затягивая клапан сброса Z-энергии, ответил посмеиваясь:

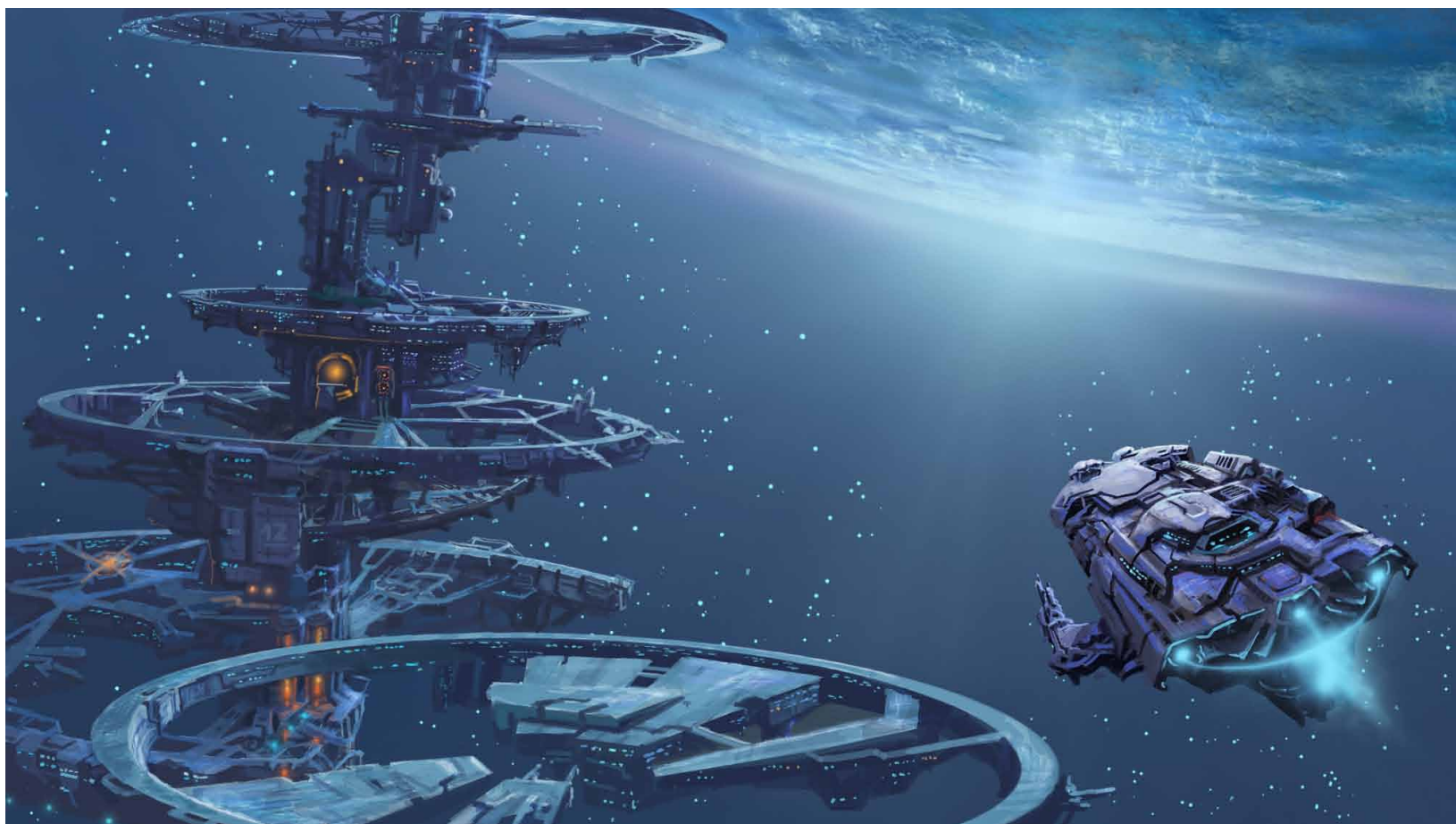
– Не могу Шестеренкин, занят я. Сначала закончу материализатор, предполагаю что это будет через двое суток.

Это было логично, и последующие два часа Шестеренкин молчал, ритмично раскачиваясь под куполом как маятник Фуко. Бронза увлеченно работал.

Наконец снова раздался голос Шестеренкина

– Я связался с Папашей Мозгом и он, проанализировав интонации, модуляции твоего голоса в последней фразе, тоже считает, что ты пошутил.

Игорь Савин (SAVAS)

Океанская

Когда выходишь из броска у базы «Океанская», дыхание невольно задерживается. Корабль словно врезается в толщу воды, которая тут же сдавливает со всех сторон тяжелой, вязкой массой. А остаточный шум гиперджампа - словно бурление струй, срывающихся с корпуса, окончательно погружает в иллюзию океанских глубин...

Игорь Савин (SAVAS)

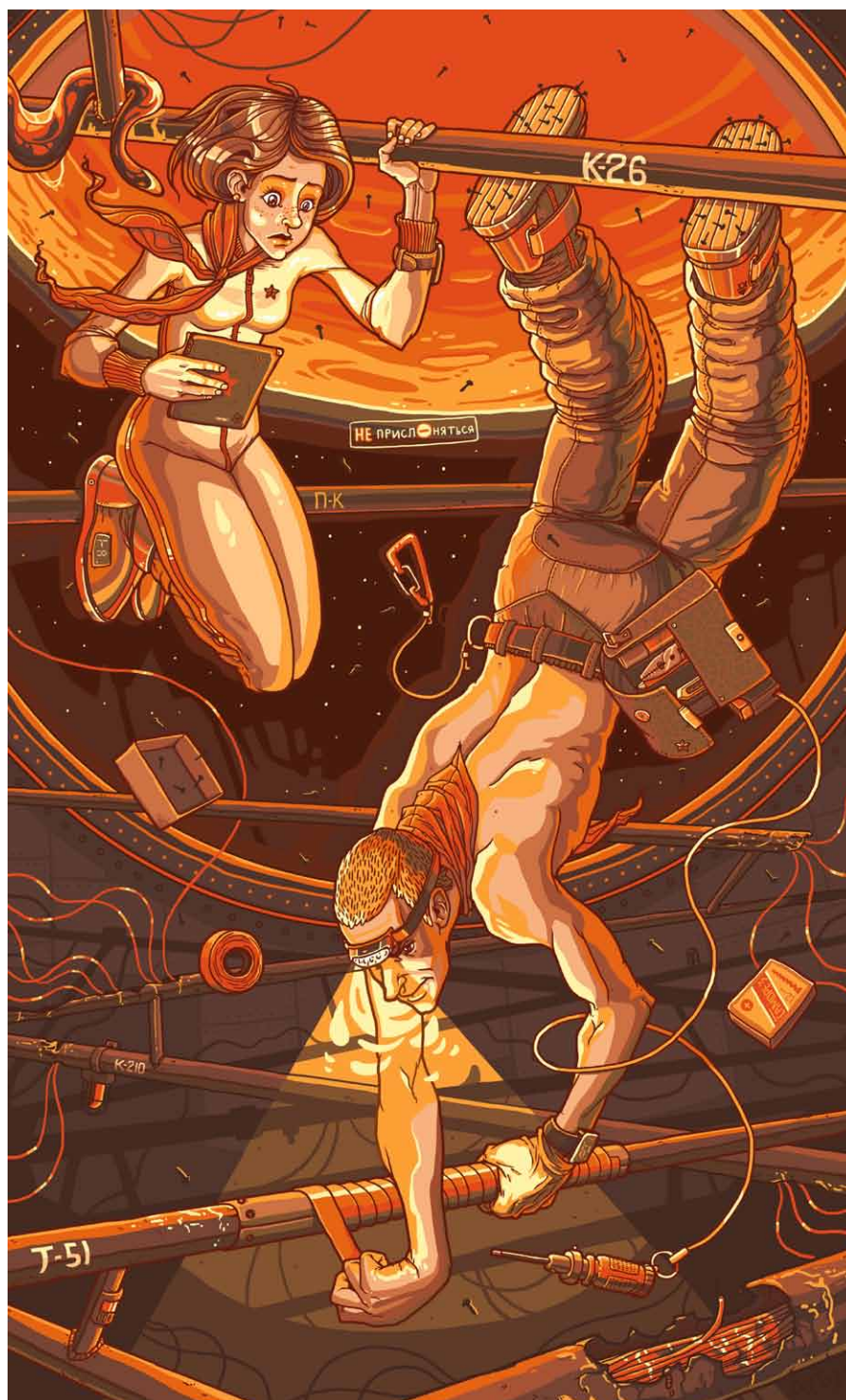
Гибель планеты Оскура
Игорь Савин (SAVAS)

Шквал на плато Готэ (экспедиция Рядонко-Ямаро в звездной системе Альса)
Игорь Савин (SAVAS)

Третий тост, или горняк Тропин
Артем Бизяев (Арбуз)

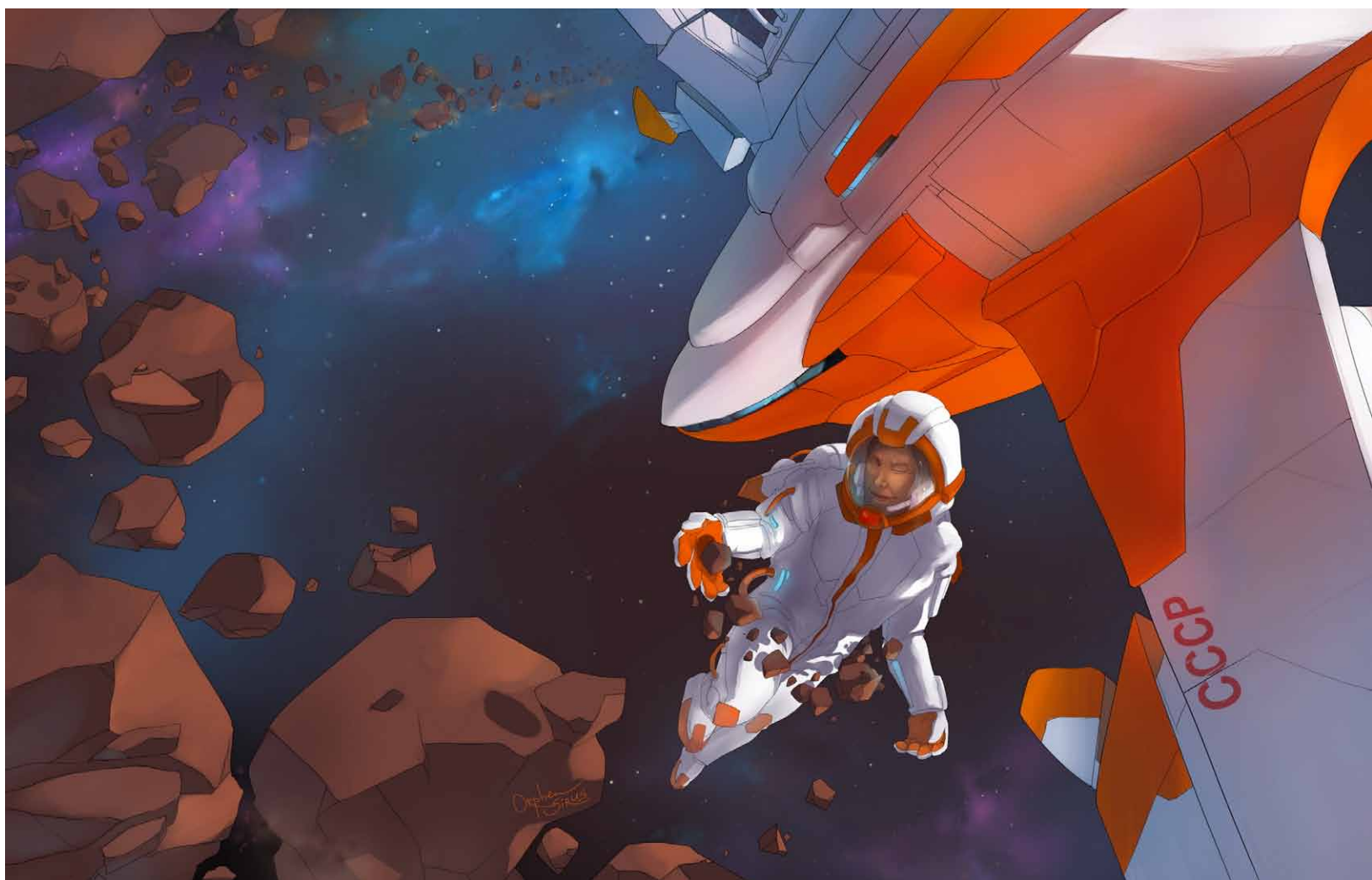
Серёж, у нас опять ионизатор полетел!
Артем Бизяев (Арбуз)

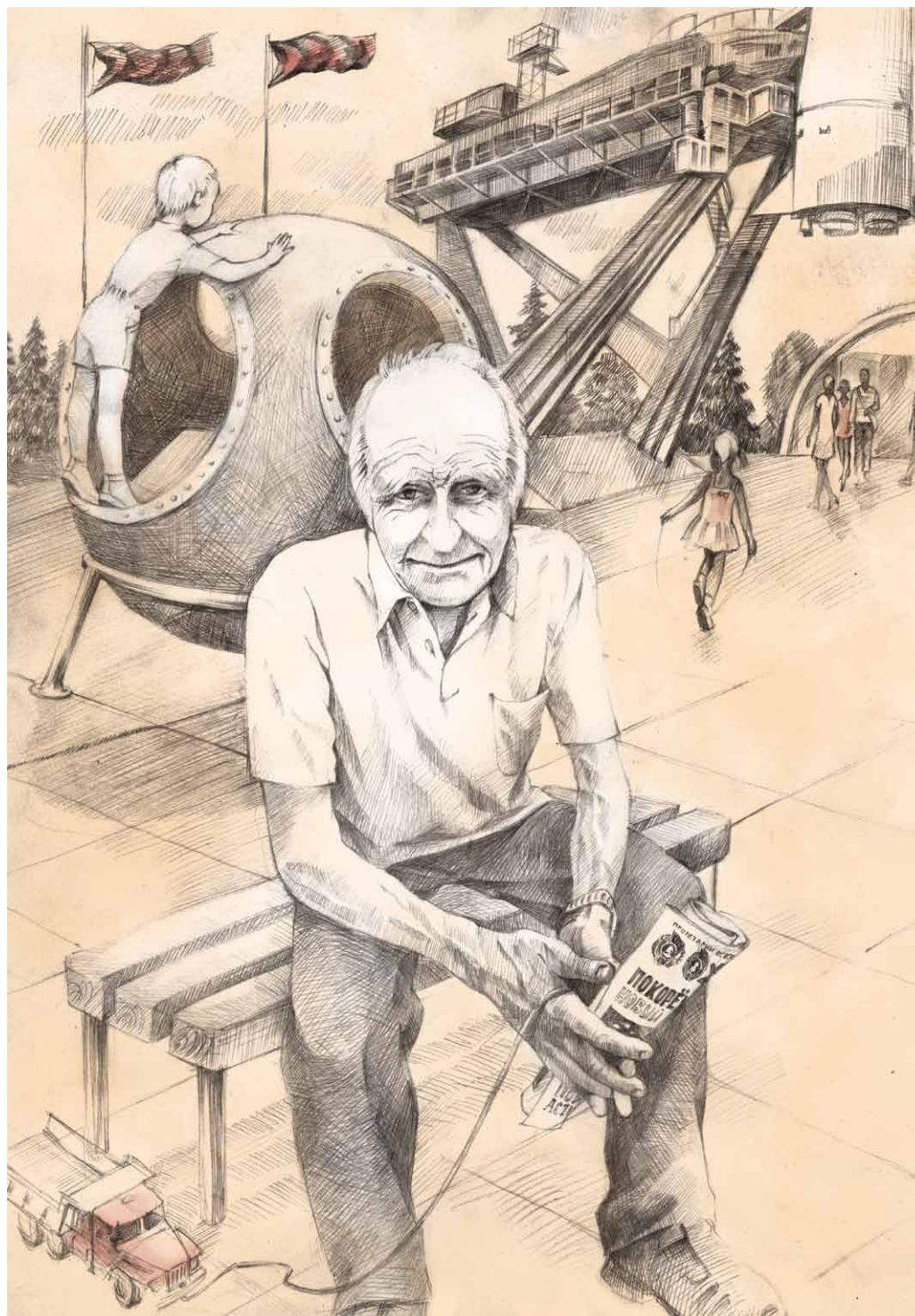
Курсантки
Дмитрий Нарожный (schiva)

Мы первые
Арман Акопян (GUYJIN)

Пояс Астероидов
Лада Арлимова (Orphen-Sirius)

Отец космонавта
Ирина Тарнагурская

ПРЕДЪЯВИТЕ ВАШИ ДОКУМЕНТЫ!

Владислав Шпаков

Один – тощий, коренастый и чернявый, другой – тощий, коренастый и светлый, постригся, наверное, после обеда, потому что сквозь белесый пух на голове сияет молочная кожа. С утра-то солнце жарило так, что его блондинистая маковка в пять минут заалела бы – ковать можно. А часов с двух тучи натянуло, вот поэтому и не обгорел. Наверное, сразу из парикмахерской они сюда и рванули. Все они стригутся перед самым вылетом. Массу, значит, сокращают.

– А клизму вы не делали? – спросил я, переводя взгляд с одного на другого. Чернявый (который получался у нас Гильямов Сергей Олегович) продолжал изучать некую точку, расположенную, примерно, сантиметрах в тридцати от его носа. А светлый (Заруба Вадим Петрович, стало быть) среагировал на мой вопрос недоумённым миганием.

– Не грубите, – разлепил наконец губы Вадим Петрович Заруба.

– Да это не я вам грублю, – как можно проникновеннее сказал я. – А вы мне. Так вы, ребята, грубите мне всем своим поведением, что я скоро на пенсию досрочно выйду, понимаете?

– Ничего мы вам не грубим, – уверенно возразил белобрысый.

Я повернулся к Нелькину, без какого – либо интереса изучавшему на своём мониторе, судя по всему, житии задержанных.

– Вот как по – вашему, товарищ капитан – хорошо ли это: проникать на особо охраняемые территории?

– Никак нет, товарищ майор, не хорошо, – с готовностью отозвался Нелькин. – Мне папа очень не рекомендовал такими вещами заниматься.

– Ваш папа, – предположил я, – наверняка был высокоморальным человеком!

– Увы, – вздохнул Нелькин. – Папа мой, товарищ майор, был самой большой сволочью из тех, что мне в жиз-

ни попадались. Контрабандист он был, наводчик и под конец ещё наркотиками торговал габаритно. Всем своим несознательным образом жизни демонстрировал он мне пагубность преступного пути. Но на особо охраняемые территории он никогда не стремился попасть. Чего нет, того нет. Это, пожалуй, единственный грех, который невозможно инкриминировать его душе, в настоящее время и до Страшного Суда насаживаемой чертями на вилы.

Нелькин ещё раз вздохнул и размашисто перекрестился, за неимением иконы, на портрет Дзержинского. Я же наставительно поднял палец:

– Вот! Даже такой закоренелый асоциал, как родитель нашего уважаемого Алексея Дмитриевича – и то избегал всякого рода охраняемых территорий. И уж конечно – стартовых площадок. Верную догадку я сейчас сделал, Алексей Дмитриевич?

– В самое яблочко, – кивнул Нелькин. – В жизни его не видели рядом со стартовыми площадками.

Я встал из – за стола, обошел его, наклонился к сидящей напротив парочке и отдельно произнёс:

– Это наверное потому, что временами стартовую площадку пробивает разрядом до двухсот тысяч ампер. Как считаете?

И поскольку вопрос был риторический, я развернулся, чтобы сесть обратно, но Заруба (Вадим Петрович) упрямо пробасил мне в спину:

– Один к десяти тысячам.

Я остановился у окна.

– Что-что?

– Вероятность нарушения электрической дисперсии на стартовой площадке составляет, по статистике, один случай на десять тысяч успешных взлётов.

– Да он ещё и эксперт, – крикнул Нелькин. – Слушай, эксперт, а с чего ты взял, что вы с дружкой – не юбилейные? Везунчики десятитысячные...

– А вы мне не тыкайте! – процедил паршивец. Нелькин с шумом втянул ноздрями воздух, полную свою широченную грудь, но воспитательный процесс пора уже было заканчивать.

– Предъявите ваши документы – сказал я, продолжая смотреть в окно.

От заката осталось часто перекрытое тучами оранжевое пятно, в центре которого угадывался некий одинокий, как бы даже беззащитный шарик. Степь же была совсем непроглядная – ни холмика не было уже видно, ни рытвины, ни хотя бы даже намёка на какую-нибудь солончаковую кляксу. Словно не степь была там, внизу, нет, не пахнущая полынью и дождём степь, да и не Земля вообще – а Чёрная дыра, в которую валилось маленькое, одинокое и беззащитное Солнце. Если бы это было так, подумал я, то это был бы самый последний закат. И если бы это был самый последний закат, то провёл я его, как ни крути, крайне бездарно.

– Нелькин, – позвал я, не оборачиваясь. – Ты слышишь тихий шелест доставаемых из карманов паспортов?

– Никак нет, – печально отозвался Алексей. – Уже почти минуту, как тишину ловлю, товарищ майор.

Я вернулся за стол и энергично хлопнул по нему ладошкой – так, что панель засветилась во всю мощность, побелела:

– Ну, слава те, Господи! Отлегло! Я-то уж, понимаешь, решил, что это старческая глухота на меня навалилась. Стою, понимаешь, и думаю: ну надо же, какая досада! Граждане, понимаешь, Заруба и Гильямов достают свои распрекрасные паспорта – а я не слышу, ну ни звука! Не иначе как оглох, думаю. Вот это был бы номер, как считаешь?

– Да ну что вы, Владимир Фёдорович! – отмахнулся Нелькин. – Вы и не старый ещё, а будут со слухом проблемы – так вылечат. Сейчас же всё лечат, не то что уши там, например... Ещё и путёвку получите в санаторий, в Швеции вот сейчас хорошо, не жарко. Не переживайте.

– А чего ж это тогда был за фокус с паспортами? – спросил я Нелькина, внимательно разглядывая лицо белобрысого Зарубы. Лицо белобрысого Зарубы шло красными пятнами.

– Да какой там фокус, – легкомысленно буркнул Нелькин, снова уставившись в свой монитор. – Нет у них никаких паспортов, вот и весь фокус.

– Как?! – я, как мог, изобразил на лице ужас. – У двух великих покорителей Космоса, у двух безотказных перво-

проходцев, у двух, так сказать, Магелланов нашей эпохи – Гильямова Сергея Олеговича и Зарубы Вадима Петровича – нет паспортов?!

– Нет, – сознался Нелькин.

– Даже у Вадима Петровича?!

– Даже у Вадима Петровича.

– Но как же так, Нелькин?! Как такое может быть?!

– Такое очень даже запросто может быть, товарищ майор, – заверил меня Нелькин. – Если учесть, что им обоим нет ещё шестнадцати лет.

У Зарубы уже дрожала верхняя губа – и вибрация от неё комично передавалась на конопатые щёки. Ну, давай, подумал я. Давай уже, зря я, что ли, цирк этот тут развёл, издеваюсь над тобой, объясняю тебе, что сопляк ты, желторотик, от горшка два вершка, молоко на губах не обсохло, романтик пустоголовый, мамкин сын...

– Как это странно, – медленно сказал я, – что человеку, обладающему глубочайшими знаниями относительно статистики нарушения дисперсий, ещё нет шестнадцати лет...

Вот так. Сейчас ты носик вытрешь рукавом, потом не сдержишься, раз шмыгнешь, два шмыгнешь – да и разрежёшься. И назовёшь меня фашистом, и гадом, и как только вы меня не называли с вот этого самого стула. А после истерики поедешь ты тихо-мирно домой в свой Акмолинск, и, быть может, ума наберёшься там.

– Перестаньте, – сказал вдруг чернявый Гильямов. – У нас есть право совершать ошибки, потому что если их не совершать, то не совершится вообще ничего. А вы над нами издеваетесь. За что? Мы хотим делать что – то полезное и интересное. Что в этом плохого?..

Он говорил, по-прежнему глядя в точку перед собой. Я понял, что это был за ступор такой: у него разрушилась мечта, и смотреть ему никуда не хотелось. Тот корабль, у которого их выловили, уже полчаса, как отбыл, и мысленно этот Сергей был там, на нём. Ну ничего. Мечты – они тем и хороши, что им можно предаваться на расстоянии от объекта грёз.

Вот о чём мечтал в детстве я? Ну, правильно – о еде. Как всякий ребёнок, переживший Войну, родившийся в Войну, или родившийся сразу после Войны – я мечтал о еде. До умопомрачения. До полной невозможности воспринимать мир как-то иначе, нежели через призму гипотетической съедобности предметов.

Когда вернулся отец, я уставился на его культю – стоял и заморожено смотрел на ногу, заканчивающуюся чуть

выше колена. Он подумал, наверное, что я испугался его увечья, и, улыбнувшись, легонько хлопнул меня, восьмилетнего скелетишку, по плечу: не бойсь, мол, всё в порядке. А я очнулся, поднял на него глаза и тихо спросил: «Папа, а ты ногу всю съел?!»... Он рванул меня к себе, и то ли ткнул меня носом в своё плечо, то ли сам зарылся в меня лицом – и заплакал, тихонечко поскрипывая зубами...

Как он работал потом... Как все они, одноногие, однорукие, или совершенно здоровые, но все до одного – со страшными глазами, пронзительными и яростными, – работали тогда. Разбирали завалы, строили, убирали с улиц искорёженную технику, снова строили: дома, школы, больницы, университеты, заводы, аэропорты, дороги. По всей огромной, возрождающейся через десятилетия после развала, великой стране стоял сплошной треск мышц.

И выстрелов. Потому что никуда не делись фашисты – они просто потеряли хозяев. Никуда не делись предатели – они просто лишились кормушки. Ничего особенного не сделалось с негодьями – просто наступил мир и они полезли из щелей, в которых затаились на время войны. Те же фашисты, те же предатели и те же негодья, с которыми отец воевал, будучи солдатом, стали убивать, грабить и обманывать воспрянувших было людей – и тогда отец стал воевать, как милиционер.

А я тогда всё мечтал об одном: наесться досыта. И потом, когда мечта эта стала сбываться всё чаще и чаще, почему – то ничего на смену ей не приходило, никаких новых жад. До того дня, когда оперативную группу отца не сожгли прямо в участке из трёх «хашимов».

Это была одна из крупнейших рэкетирских банд если не в Союзе, то в республике – точно. Я не успел, конечно, поучаствовать в их поимке, но потом наверстал за счёт других. Потому что уже точно знал, чего хочу больше всего: истреблять тех, кто паразитирует на мирной жизни, кто цинично рушит вселенную свободных людей, созданную моим отцом на дымящихся руинах ада.

Третий века я мечтал об одном: ловить их, сколько хватит сил. И эта мечта тоже сбылась, и даже более того: сил ещё предостаточно, а ловить, собственно, уже особо и некого. Разве только что вот. Полюбуйтесь, майор Свирский, полюбуйтесь, Владимир Фёдорович, дорогой вы мой человек, заслуженный работник милиции, начальник Отделения внутренних дел по Западному корпусу космопорта «Байконур», на своих злоумышленников. Эких вы волчищ матёрых сцапали, товарищ майор. Поздравляю!

Впервые появилось в новом СССР поколение, мечтающее не о еде или мести, а о работе, о пользе, о нужности своей грезящее – а вы ему: «Предъявите ваши документы!». Ну не паскудство? Выходит, что если нет тебе ещё шестнадцати лет, то нет у тебя и права быть стоящим человеком. Так, а?

Хотя и толку-то с них, мышат эдаких...

Когда чернявый мышонок прервал свой монолог, я спросил:

– Вы хоть девятый класс окончили?

Гильямов даже не моргнул, но поджал губы. Заруба дёрнул щекой и уставился в пол. Так что ответил за них Нелькин.

– Да какой там... – зевнул он, тыча пальцем в монитор перед собой. – Регулярные пропуски фигурантами занятий в школе номер четырнадцать города Акмолинска отмечаются с середины января. То есть, с начала второго полугодия... Во-о-от... Дирекцией школы представление в детскую комнату милиции направлено тридцать первого января... Та-а-ак... Беседы с родителями...

Нелькин повозюкал пальцем по дисплею, открывая новые файлы, и несколько оживился:

– Второго февраля – постановление ДКМ о запрете на посещение пионерами Гильямовым и Зарубой космоцентров Акмолинска, всех трёх. А у них там такая программа была, Владимир Фёдорович! Такой даже наш «Динамо» пристыдить можно. Батюшки-батюшки!.. Центрифуга... Усилители... Симуляторы БРК-53, «Зенон», АННД-2 ...Полярный стабилизатор... Понятия не имею, что такое полярный стабилизатор, Владимир Фёдорович. А вы знаете?

– А «Зенон»?

Нелькин пару раз щёлкнул ногтем по дисплею и, прочитав про себя справку, уважительно поцокал языком:

– Чего только нет в этих космо-центрах... Какую досаду, наверное, испытывает человек, которого отлучили от симулятора «Зенон» за прогуливание школы!

– Так ведь помимо космо-центров, товарищ капитан, есть ещё и самые обыкновенные спортивные комплексы, – пояснил я Алексею. – Там тоже можно гробить организм нагрузками, изнашивать суставы и рвать жилы – но уже без научного контроля. Зато туда доступ не перекроют, понимаете, товарищ капитан?

Чернявый Гильямов вдруг посмотрел на меня – с нескрываемым злорадством. И сказал, старательно подражая моей шутовской интонации:

– А нет такого закона, чтобы советского школьника от спорта отлучать!

– Ваша правда, Сергей Олегович, – мне снова пришлось вздохнуть. – Нет такого закона. Зато есть закон об обязательном среднем образовании. И вот его – то вы злобно нарушаете аж с января месяца.

– Ничего мы не нарушаем! – вскинулся белобрысый. – Мы школьный курс не прерывали! Ну спросите, спросите меня по любому предмету!

У нелькинского стола лежали их рюкзаки. Компактные такие рюкзаки, недра которых были аккуратно поделены на секции: для пищевых концентратов, для медикаментов, для инструментов. И, конечно, были там и отделы для электронных библиотек. Весь учебный курс старших классов и даже несколько вузовских дисциплин.

– Заочно обучаетесь, значит, – констатировал я. – Без отрыва от физподготовки. Эт хорошо. Но смотрите-ка, что у нас получается. Всякий нормальный гражданин, желающий связать свою судьбу с Космосом, проходит следующий путь. Прежде всего, он заканчивает среднюю школу. Да – да, не заочно, а самым обыкновенным, общепринятым образом: ходит на уроки, получает по возможности как можно больше пятёрок, и, наконец, с блеском (а может и без особого блеска, по-разному бывает) сдаёт выпускные экзамены. После этого он, как каждый советский мужчина, проходит службу в Вооружённых Силах. От каковой вы, кстати говоря, только что попытались уклониться... Сидите на месте, пожалуйста, и дайте мне продолжить мысль!.. Да, вы, граждане, намереваясь сбежать с Земли, по сути совершили попытку уклонения от базовой службы в армии. Каковую пройти следует хотя бы в егерских частях или городских дружинах. Далее, – я загнул ещё один палец, – личности, настроенные на работу за пределами Земли, все до единого остаются на сверхсрочную службу: в войсках, имеющих специфику, схожую с избранной ими работой. Вместе с базовой службой это у нас получается четыре-пять лет. Пусть будет четыре. Потом – университет. Еще четыре года. После – стажировка, причем никого сразу не распределяют на дальние объекты, и молодые спецы обмахориваются на Земле – ещё года четыре. И что же у нас получается? Четыре да четыре да четыре – итого двенадцать лет. Которые для вас начнутся только, напоминаю, после окончания средней школы, что случится не ранее, чем через год. В общей сложности, от иных планет вас отделяют тринадцать

лет весьма насыщенной жизни. Тринадцать – нехорошее число, но что поделать?

– Всё это формализм! – яростно выпалил Заруба. – Косная, отжившая система! Через тринадцать лет устареют те знания, которыми мы обладаем сегодня! А там, на дальних объектах, сегодня на счету каждый такой человек! Вы же предлагаете нам вяло шевелиться здесь, в то время когда... когда... когда там... каждый...

Он сбился под ласковым взглядом Нелькина. Тот сидел, подперев подбородок кулаком и не мигая разглядывал выступавшего – так, словно был его бабушкой, приезжающей из деревни раз в год.

– А что ж вы, товарищ, там со своими знаниями делать-то будете? – елейно спросил он окончательно стусевавшегося Зарубу. – Марс, как говорят, не загородная дача, там теоретикам туго. На Луне тоже вопросы решаются не одной только силой мысли, там еще и навык нужен. А уж на каком-нибудь Ганимеди сам чёрт оба копыта своих обломает, вместе с рогами. Так куда ж вы собрались, ребята, заочно обучающиеся, а?

Заруба ожесточенно сопел, но Гильямов подумал несколько секунд, и ответил:

– Вот там, где теоретикам тяжело, а ваши черти копыта ломают – мы опыта и наберёмся. Быстрее, чем здесь – раз в сто быстрее!

– А нет такого закона, – сказал я. – Нет такого закона, чтобы советские школьники опытом обзаводились за счёт здоровья и жизни сотен других людей.

Я подождал, пока оба путешественника нальются устойчиво красным, и продолжил, ткнув пальцем в потолок, в данный момент как бы символизирующий ледяной вакуум Вселенной:

– Вот там, граждане задержанные, любая ваша ошибка, даже самая ничтожная, обязательно обернётся катастрофой. Так что такой опыт обрести вы сможете только один раз – первый, он же последний...

На панели стола вспыхнуло окно дежурного, я ответил. Дежурил Токорбаев – и я увидел, что его и без того не самые широкие глаза сейчас вовсе ужались до минимума.

– Товарищ майор, за диверсантами прибыл конвой! – судя по всему, эта новость его самого отчего-то весьма радовала.

– Ну, впустите конвой...

Конвоиры были старше задержанных лет, от силы, на пять. Главной была инспектор кызылординской Дет-

ской комнаты милиции лейтенант Динашева – обладательница умопомрачительных ресниц, черной косы и редчайшего казахского имени Пенелопа. Новенький бирюзовый мундир, несомненно, ей шёл, но в комплекте с этими вот километровыми ресницами и всем прочим выглядел некоей архаической нелепицей, вроде тазика, который дон Кихот из Ламанчи таскал на своей голове, полагая шлемом Мамбрина.

Санчо Пансой при инспекторе Пенелопе Динашевой состояло некое гражданское лицо, лет девятнадцати, со старательно нахмуренными бровями. На гражданском лице будто бы даже светилась надпись: «Я – студент педфака на практике; будьте снисходительны!».

Сразу после взаимных представлений инспектор начала суетиться. Она зачем – то ещё раз сняла биометрию с задержанных, ещё раз убедилась, что они – именно Гильямов С. О. и Заруба В. П., сделала ещё одну копию акта о задержании, и, в конце концов, затеяла ещё одну разъяснительную беседу.

– По Союзу это уже восьмой случай с начала года, – сообщила она почему-то Нелькину. – В прошлом году было зафиксировано девятнадцать попыток проникновения детей и подростков на космические суда. Восемь случаев переохладения, десять случаев обезвоживания, иные травмы. Одного мальчика придавило погрузчиком – в результате у него серьезно повреждён позвоночник...

Субчики наверняка слышали всю эту статистику неоднократно, и не проявляли ни малейшего раскаяния по поводу возможных несчастий. Зато Нелькин встрепенулся:

– А ведь их всех в погрузочном шлюзе отлавливают, и этих – тоже, – сказал он. – Они отчего-то уверены, что на корабль можно попасть именно таким путём...

Гражданское лицо вдруг фыркнуло:

– «Отчего-то!» Понятно – отчего. Начитались Курлыкова, вот и весь секрет. Ну, Курлыков, публицист. «Двадцать очерков с маршрута Земля-Марс-Земля». Сам – то он за пределы космопорта на Марсе не выходил, но слывёт главным специалистом по побегам с Земли.

Нелькин посмотрел на него с уважением. Он вообще пренебрегал теоретической базой, потому что в уголовном деле больше полагался на практику, в которой равных ему было не много – до операции на сердце. А тут вдруг паренёк сходу объяснил то, над чем мы ломаем голову уже третий год: почему вся эта публика рвётся именно в самый опасный погрузочный шлюз.

– Этот Курлыков много всякой ереси написал в книжке своей, – с хищным удовольствием продолжил изобличать практикант. – Просто удивительно, что ещё никто не погиб, следуя его советам. А ведь следуют! Под впечатлением от примера московского пионера Васи Середяна, якобы бежавшего на Марс и даже принятого там в бригаду связистов. Разумеется, Вася Середян существует лишь в воображении публициста Курлыкова... Эх! Взять бы его за шкуру, да заставить написать опровержение!

Белобрысый Заруба свирепо глянул на гражданское лицо и, судя по всему, собрался было заявить, что, дескать, нет такого закона – советских публицистов за шкурки хватать! – но потому вдруг передумал и с индейским хладнокровием устался в стену.

– Ладно, – сказал я, – пакуйте эти молодые организмы.

– Что? – переспросила инспектор Динашева, моргнув несколько раз – так, что случился даже небольшой сквозняк.

– Забирайте, – я сделал рукой величественный жест. – Вы их сразу домой отправите?

– Нет, поздно уже, ночь, – ответила она. – Переночуют у нас в Центре, а утром мы их ведомственной «стрелой» отправим в Акмолинск. Там их Ольга Павловна встретит. Ребята, вы ведь знаете Ольгу Павловну?

Судя по тому, как померкли их взоры, эту самую Ольгу Павловну ребята, уж конечно, знали очень хорошо – и воспринимали её куда серьёзней, чем старых клоунов вроде меня. Должно быть, сложная женщина.

Инспектор снова засуетилась: оказалось, что собирать в дорогу аж двух старшеклассников, оснащённых аж двумя рюкзаками – занятие ответственное и даже драматическое. Наконец, усталые и недовольные ребята были готовы вернуться домой.

– Спасибо вам большое! – часто-часто замахала ресницами лейтенант Пенелопа Динашева. Смотреть на это можно было бесконечно.

– Нам – то за что? – ответил я. – Вот внизу, на пропускной, дежурит сержант Токорбаев, задержавший этих правонарушителей. Вот он – герой. В торжественной обстановке вручим ему орден. «За поимку космических зайцев», второй степени, да.

– За двоих разве не первая полагается? – хмуро пошутил Гильямов.

– За двоих – вторая. Вот если бы вы оказали сопротивление при задержании, то тогда бы была первая!

– Ага, – хмыкнул Заруба. – И нашивка за ранение. Пойдём, Гиля...

– До свиданья, девочки и мальчики, – я отсалютовал им ладонью и закрыл дверь. Даже когда они зашли в лифт, было слышно, как неистовствует Пенелопа Динашева, вызывая к взрослой сознательности отдельных школьников. Вот так вот. Я им полчаса объяснял, что никакие они не взрослые, а самые что ни на есть дети (во вполне свинской, причём, манере объяснял), а она мне сейчас всю эту педагогику порушит за пять минут. «Взрослые», да уж...

Правый висок уже давно ныл пронзительно и долго, а в левый, наоборот, вяло долбилась невнятная тупая боль. Присев на стол, я принял свой вечерний коктейль из пилуль, запив его выдохшимся нарзаном.

– Охраниловка у нас – ни в какую, – рассеянно наблюдая за мной, сказал Нелькин. – От верблюдов и овец ещё помогает, а от старшеклассников – уже нет. Они в нужном секторе сканеры заблокировали за минуту. А уж через три забора перемахнуть таким акробатам – тьфу. Фашистов на нас нет, вот что. Расслабились... Ты домой-то едешь?

– Смысл? – спросил я, допив минералку прямо из горлышка. – В семь утра орбитальный транспорт встречать. Так что я лучше в комнате отдыха устроюсь, за аквариумом. А ты дежурь. Но до шести чтоб тишина, понял?

Нелькин изучил болезненную гримасу на моём лице и отключил подпитывающую мигрень иллюминацию. В сумраке матово тлели панели столов и открытый нелькинский монитор. А ещё через окно валил, как пар из распахнутой бани, зыбкий белый свет.

Далеко справа от нас поднималась над степью ослепительная, равнодушная к земной гравитации медуза. Очертания корабля нельзя было угадать в этом не то облаке, не то клубке ионовых сполохов, ползущем в термосферу, но судя по тому, что начиналась среда – с одной из площадок Северного корпуса стартовал лунный грузовой.

Словно компенсируя отсутствие на ночном небе своего пункта назначения, корабль сам поливал землю белесым мерцанием, высвечивая взгорки и солончаки, обозначая непроглядными тенями рытвины и низины. Слева блестяла, змеясь, Сырдарья, а наискось от нас сверкала нитка ЛЭП, прямая, как джеб. Она устремлялась сначала на север – в подстанцию Оразбай, – а потом, сложно изламываясь, тянулась через пески и степи, через Бетпак-Далу

и Сары-Арку до самой Курчатовской зоны, энергетического сердца континента.

И нёсся к нам по той тропе вырабатываемый десятками реакторов ток: через Сары – Арку с Бетпак-Далой, через степи с песками, на подстанцию Оразбай, – к пяти корпусам космопорта, в силовые ангары. Начавшее свой путь в семипалатинских пустошах, электричество заполняло аккумуляторы антигравов и ускорителей здесь, на Байконуре, чтобы уже очень скоро, обретая свободу, поднять корабли на орбиту Земли, и оттуда разогнать их до скорости, близкой к своей собственной.

И так же как все эти килоджоули, стекались к нам дети. Сначала – по два – три в год потом – по пять – шесть, теперь вот по десятку, а скоро счёт пойдёт на дюжины. Со всех окрестностей, где были космо-центры: из Ташкента, из Шымкента, из Алматы, Караганды, Астрахани, Акмолинска, Омска...

Мы ведь очень долго рассуждали о том, какими будут эти дети. Нам казалось, что самое главное – это накормить их и защитить, мы много об этом говорили, но тут вдруг получилось, что есть ещё одна большая проблема. А именно: мы не предвидели дальнейших трудностей.

Жизнь моя началась с забот, диктуемых нехваткой пищи, а потом её, жизнь мою, определяла злость. И ничего другого я не знал, и знать не хотел. Но вот эти мелкие, вдруг подумал я, даже если и столкнутся с голодом – то не утратят своего человеческого достоинства. А если случится в их жизни ненавидеть – то они не позволят ненависти быть движущей силой... Что же направляет этих детей?

Детей?

Разве человек, осознающий свою нужность и вззирающий на себя с точки зрения общей пользы – может быть ребёнком? Вот ты, Владимир Фёдорович, можешь позволить себе такую роскошь – рассуждать о собственной пользе? Года через три, когда достигнет тебя пенсионный возраст, переведут тебя на должность Почётного Протирателя Штатов – в какой-нибудь Совет ветеранов МВД, и польза твоя будет метаться между конференциями и санаториями, между, видишь ли, общением с журналистами и катанием на байдарках.

В оконном стекле отражался уже начавший сутулиться пожилой человек. Несколько скособоченный от трёх дырок в кишках, левее пупа, лысоватый, в расстёгнутом кителе, провисающем над нестандартным, по случаю протеза,

плечом. И с навсегда застывшей на физиономии гримасой подозрительной набыченности.

«Я – старый мент на списание; будьте снисходительны!».

– Лёша, а как, ты думаешь, сейчас в Швеции насчёт байдарок? – спросил я. – Имеет смысл?

Нелькин встал из-за стола, и тоже приковылял к окну. Осмотрел меня скептически и остался недоволен.

– Это всё нервы, Фёдорыч, – сказал Нелькин. – Не берегут они наши с тобой нервы... Вообще не понимаю, чем там Детские комнаты милиции занимаются. Два школьника перестают ходить на уроки – раз. Выбирают программу подготовки в космо-центре – два. Что непонятно? Трудно сообразить, что будет «три»?

– Наверное, трудно...

– Трудно было в сорок девятом году Юру Маркиза с его отморозками брать! – обозлился Нелькин. – Вот это было – трудно!

С моей-то выслугой, подумал я, меня переведут не то что в Акмолинскую ДКМ, а хоть в Африку, только попросят координаты поточнее указать. Но рапорт лучше на свежую голову напишу, утром. А на сон грядущий не худо бы ознакомиться с творчеством публициста Курлыкова, что ли.

– Управы на них нет никакой, – буркнул Нелькин, и трижды рубанул воздух напряжённой ладонью: – Ни-ка-кой!

В ШТАТНОМ РЕЖИМЕ

Цокто Жигмытов, Чингиз Цыбиков

Я вам так скажу, парни: уж на что у нас Томми весёлый парень в части что-нибудь разбить или поломать, но с Тимом Нэддоном не сравнится даже он! (Смех, крики «Давай про Нэддона!»). А я про что? Вот его портрет на стене; наш Тим, он, конечно, герой, учёный и всё такое, но мы тут вроде как все герои, если так посмотреть, или кто хочет сумму контракта показать друг другу, чтоб выяснить, кто круче? Я думаю, когда Тим родился, то мистер и миссис Нэддон называли его примерно так (изображает мужской бас, хмурит брови): «Дорогая, может, назовём его Катастрофа?» – «Дорогой, что ты, он же наш мальчик, ему же жить с этим именем. Давай назовём его просто Капец!» (смех, аплодисменты). Имя Тим ему дала чиновница из муниципалитета; уверен, у доброй женщины просто не оказалось под рукой дробовика. Хорошо, что есть космос, Ганимед и пояс Койпера. Космос, храни Америку! Не дай ему вернуться в Штаты!

Но история не об этом, парни! Это настоящая американская история, а значит, в ней не обойдётся без русских. (Смех, свист, улюлюканье). Да-да, а что делать. Эти ребята опять натянули нашу команду в их дурацкий ганимедобол, а знаете почему? Потому что их космическая таможня в Бай-ко-ну-ре не пропускает сюда ящик с бейсбольными битами, они, видите ли, слишком тяжёлые. Точнее, половина из них... Нет-нет-нет, я не в этом смысле (изображает удар и падение, смех в зале). Но если мы каждую неделю терпим это унижение, которое они называют соккером, почему бы им пару раз не сыграть в нашу игру?

Но довольно болтовни, в конце концов, русские сейчас не спеша трудятся, чтобы мы в поте лица праздновали Рождество. И вообще мы с ними одно дело делаем; узнать бы только, какое и нахрена (смех). Значит, всё началось прямо за сутки до первого сеанса квантовой связи с «Вояджером». О, чувствуете себя частью истории? Это было три смены назад, когда наше квантовое Зеркало (указывает пальцем вверх) стояло всего на четырех «ножках», как но-

ворождённый теленок, и когда Нэддон был зеленый офицер-техник, ну вот как ты, например (тычет микрофоном в майора Стэнли, смех в зале). Ой, сэр, простите, не узнал, сэр, ганимедская атмосфера знаете, такая непрозрачная, что... Что? Здесь нет атмосферы? Я подам рапорт в НАСА о краже атмосферы! Как, и воды здесь тоже нет? Тогда какого хрена мы, морпехи, тут забыли? (смех, свист, крики «Старо!») Знаю, знаю, но не забывайте, что это единственная шутка господина майора, которую он придумал за всю свою жизнь. Имейте уважение. К тому же он меня лично попросил за кулисами (снова изображает удар и падение). Видите, он смеётся!

– Ты чего смеёшься? – спросил Андрей.

– Что? – переспросил Нэддон. Его голос в динамиках скафандра звучал искажённым, и оттого ещё более издевательским. Андрей повторил вопрос по-английски.

– Смешно, если сдохнем тут, – ответил американец. – Не подать сигнал – и всё.

– Смешно тебе, – согласился Андрей. – Ну подай сигнал, чего ждёшь-то?

Нэддон ничего не ответил, и Андрей знал, что сигнала не будет. Ни один морпех ВС США, пусть даже и техник, не вызовет помощь раньше русского десантника. Кроме того, сигнал означает, что «таблетка», которая их высадила и направилась дальше, ко второй подстанции, развернётся на их поиски, потому что оба «ската» в ремонте; а это значит, что вторую подстанцию тоже не починят вовремя, потому что они ещё не успели до неё допрыгать; а это значит, что Зеркало, висящее далеко-далеко над их головами, будет работать на двух оставшихся «Ногах», то есть нестабильно. Что последует далее, Андрею даже думать не хотелось. Да и образования не хватало. Правильно Глазков говорит: наберут здоровых, а спрашивают как с умных...

И завтра, как назло, первый в мире сеанс квантовой связи с «Новым Вояджером». А без Зеркала связи не будет.

То есть о их позоре узнает вся планета. Вся планета и её окрестности.

– Дойдём до трассы, – сказал Андрей. – Подождём «таблетку» там, они как раз будут возвращаться обратно со второй «Ноги». Потом на ней вернёмся на базу, а оттуда возьмём ещё людей и вытащим подстанцию обратно.

– Это что есть? Аутотренинг? – спросил Нэддон. – Я понял твой план. Обычный русский план.

– В смысле, «обычный русский план»? – переспросил Андрей.

– Ваша страна не ценит личность, – сказал Нэддон. – Не цените сам каждый себя. И каждый готов умереть, чтобы не... чтобы не fuck up другие.

– А у вас не так?

– У нас рационально, – ответил техник. – Привезти морпеха сюда – сто миллионов нью долларс. Привезти техника, такой, как я, – пятьсот миллионов нью долларс. А мы погиб, потому что ты упрямый. Твоя страна работала, чтоб тебя сюда привезти. На Ганимед. Огромный труд, много работы. Как вы измеряете работа?

– В рублях, как, – мрачно ответил Андрей. – На вес.

– Миллиард рублей! – веско сказал американец. Он не понял.

– Так вызывай подмогу, – предложил Андрей. – Сэкономить.

Нэддон снова не ответил. То-то же, злобно подумал десантник, разговоры разговорами, а кнопку первым нажать не хочет. Сам Андрей Тогутов, рядовой ВДВ СССР, разумеется, никакого бедствия не видел, и сигналить о нём, соответственно, не собирался. Штатная ситуация; это не «как в Штатах», а так, как должно быть.

– Завтра квантовая связь с «Вояджером», – сказал он примирительно, старательно выговаривая английские слова. – Надо, чтоб всё было ОК.

И аж скривился – стандартные обороты из ускоренного курса не выражали всего, что он хотел сказать. Андрей стал разглядывать пейзаж, расстилавшийся перед ними. Самой заметной и одновременно самой незамечаемой его деталью был, конечно же, Юпитер, занимавший на данный момент почти четверть неба и который советская часть базы, не сговариваясь, называла просто Дурой. По легенде, имя сие пошло от майора Глазкова, который в первую пробную вылазку так и сказал во всеуслышание: «Ну и дууура!». Называли его так, впрочем, со всем уважением и опаской – характер у Дуры был вспыльчивый,

и минимум раз в месяц вся база отсиживалась в свинцовых кабинах и горстями жрала арадин: газовый гигант, объединившись с Солнцем, сдирал со своего спутника магнитную защиту, подставляя его всем излучениям большого космоса.

В остальном картина была до тошноты монохромной – природа обошлась здесь палитрой рентгеновского снимка. Черное – грунт, белое – лёд. Тёмно-серое – молодой (относительно) грунт, светло-серое – старый (относительно) лёд. Грунт, лёд и переливающаяся Дура в четверть неба. «Атмосфера хорошая, кислородная, но отсутствует» – тоже из перлов товарища майора...

– «Вояджер», – сварливо протянул Нэддон. – Вот где смысл, понимаю. Вот почему мы тут сгинуть. Вояджер, by the way, есть просто железка. А здесь – две человеческой жизни. Что, Эндрю?

– Это же ваш аппарат, американский, – заметил Андрей. – Неужели не жалко будет, если связь не состоится? Зря долетел, что ли? Зря мы тут полгода корячимся? Зеркало это на «Ноги» ставим?

– Screw it, – отвечал Нэддон после короткого раздумья. – Что он сказать интересного? Вэжюм, пусто!

– Ну интересно же, – ответил Андрей не слишком уверенно. – Посмотреть на этот, пояс Оорта. Откуда к нам каменюки эти прилетают? Ну как в двадцать девятом было? Или в тридцать шестом.

– Well, – произнёс американец. – Пояс Оорта, это, надо полагать, что-то среднее между облаком Оорта и поясом Койпера?

Андрей слегка стиснул зубы: поддел, поддел проклятый янкес, что уж тут. Читал же, учил! А что толку? Шагай, обтекай.

– И вообще эта космическая гонка – есть зло, – действительно очень зло проговорил техник. – Вы, русские, навязать её нам, а наше idiotic правительство купилось. Престиж страны...

– Я никому ничего не навязывал, – холодно отвечал Андрей. Он решил, что этот тон будет наиболее правильным. – И правительство тоже. Не хотите – не осваивайте космос, в чём проблема? Других найдём.

– Ну конечно! – воскликнул Нэддон, и неожиданно закашлялся. Андрей остановился, оглянулся – и облился холодным потом: напарника за спиной не было. Где он?

И сам не заметил, как сдернул с плеча автомат. Ганимед, конечно, необитаем, это мы вроде как усвоили, но куда-то

ведь этот чёртов янки подевался – или же кто-то его подевал?

– Да, of course, – снова услышал Андрей. – Отличный ход, застрелить меня. Я слева. Careful.

Андрей повернулся налево, одновременно торопливо вешая автомат обратно на плечо. Он увидел Нэддона, который стоял в расщелине, скрытый почти по шею.

– Упал, что ли? – спросил Андрей, приближаясь плавными скачками.

– Нет, – неожиданно коротко и каким-то другим голосом ответил техник. – Эндрю, послушай. Ты помнишь, вокруг «Ноги» такая же штука была?

Он указывал на коричневую полосу на черном грунте, похожую на окалину. Андрей присмотрелся.

– Похоже.

– Ну и ну, – сказал Нэддон отдельно и старательно. Десантнику очень хотелось спросить, что это значит, но он удержался. Ясно же, что опять показывает ему образованность свою. Интересно, лейтенант Мальцев также гнобит своего американца?

– Было бы хорошо, если бы ты выкинул твою пушку, – сказал техник, выбираясь из расщелины. – А то похоже, будто ты есть мой конвой.

– Не надо было свой забывать, – заметил Андрей.

– Я не забывать, – огрызнулся Нэддон. – Я его намеренно оставить на вашей «таблетка».

– Да, да, – сказал десантник. – Конечно.

– А! – Нэддон развеселился неожиданно. – Я понял. Это русская месть! Ты меня хочешь расстрелять перед строем.

– Чего? – опешил Андрей.

– Вы же проиграли в футбол.

Да, братья мои по Ганимеду! Были и такие времена! Времена, когда наша команда могла по своей воле брать реванш в ганимедский соккер у русских. За полторы недели до этого русские выиграли у нас 7:0, и тогдашняя наша сборная решила – мы их укатаем. И они сделали это! (Аплодисменты). Их подвиг просто не поддаётся описанию. Ведь что такое ганимедский соккер? Это гигантский гроб из пластиковых решёток размером с три нормальных стадиона, где носятся и сталкиваются двадцать два кабана и один мячик. Господи, они могут отдавать пас от стенки и, господи, они регулярно делают это! (смех). Более того, они забивают от стенки, и правила это допускают – и ладно правила, но куда смотрит наш всемогущий американский

господь? Это, черт побери, соккер в конце концов или снукер для гиперактивных переростков, у которых папа отобрал кий? Представьте, ваша жена скажет вечером: дорогой, у меня голова болит, забей сегодня от стенки!

Наши тогда выиграли всего 1:0, но ведь выиграли! И единственный мяч! от, прости господи и моя будущая жена, стенки или даже потолка! забил наш Тим Катастрофа-Капец Нэддон. А кто стоял на воротах у русских, да ни за что не догадаетесь! (крики «Эндрю! Эндрю!») Клянусь, если бы это было не так, я бы это придумал, так что нет разницы, верите мне вы или нет.

Но речь не о нем. Полковник Глазкофф, он тогда был майор, человек бо-ольшой деликатности, пришёл после матча в ангар и сказал: ну вы же выиграли, дайте нам «скат»! (пауза, затем нарастающий смех). Вот, до кого-то начинает доходить. Я всегда говорил, что русские это азиаты, а никакие не европейцы. Они уверены, что наши супернадёжные, суперсовременные «скаты» ломаются исключительно потому, что техники слишком уж рьяно болеют за свою команду. У русских другой причины быть не может, а? (Изображает русский акцент) «Ну мы же поставили Эндрю в ворота, чего вам ещё надо?»

Но так совпало, что оба ската и правда не работали. Парни, я молюсь, чтобы виной тому действительно были техники, мне скоро ехать на одном из них на дежурство, отрабатывать сегодняшний праздник. Post hoc non est propter hoc. Это латынь, что, никто не знает латынь? Господин майор, сэр? О, простите, это была шутка из другого моего выступления, у меня после службы намечены концерты в Гарварде, среди моих коллег, нобелевских лауреатов. У меня там латынь вперемешку со словом «задница», думаю, успех гарантирован.

– «После» – не значить «вследствие», – назидательно произнёс Нэддон. – «Скаты» сложные vehicles, а чем сложнее vehicle...

– Зачем тащить на Ганимед сложную машину? – перебил его Андрей. – Вот у нас две «таблетки». Из них одна всегда на ходу. Что, плохо?

Две несуразно квадратные фигуры огромными тяжёлыми прыжками передвигались по чёрному грунту, старательно перескакивая через расщелины и обходя каменные торосы. Они уже вышли из ледяных щупалец кратера Ташметум, и, судя по карте, приближались к основной трассе, которая, как и многое на Ганимеду, не была представле-

на материально, а существовала исключительно в памяти компьютеров в виде оптимального маршрута для «таблетки». Боевая машина пехоты (модернизированная) уже высадила Мальцева с напарником на «Ногe-2» и возвращается на базу – как здесь принято, огромными скачками по пять-семь километров каждый, потому что экономия; то ещё удовольствие, даже с компенсаторным механизмом. Американские «скаты» идут ровнее, быстрее и горячего почти не жрут: постоянно в ремонте.

– ...Отслужу, учиться пойду, – нарочито беззаботно говорит Андрей. Тим Нэддон двигался всё медленнее, и это начинало тревожить. – Если сержанта дадут, то на режиссёрский. А так на актёрский. Там льготы есть для отслуживших.

– А для не-служивших? – тяжело дыша, спросил Нэддон.

– А несслуживших у нас нет, – ответил Андрей, а сам думал в это время: морпех-то мой не выдохся ли. Кабан, конечно, он здоровый, хоть и техник, но вроде как постарше будет...

– Эндрю, я ОК, – сказал Нэддон. Андрей вздрогнул, хорошо, под скафандром не видно. А американец продолжил: – Посмотри здесь. Не могу видеть.

Десантник плавно затормозил, развернулся и наклонился к плечу своего напарника. Постоял так несколько секунд, затем выпрямился и без лишних слов нажал «экстренный вызов». Легкий толчок: его ранец отстрелил вверх ракету, которая сначала просела, затем по крутой вогнутой траектории пошла вверх; Андрей смотрел ей вслед, по привычке приложив руку козырьком, хотя необходимости в этом не было. «Эвэшка» ушла в точку, незаметную на чёрном звёздчатом небе, затем там вспыхнуло беззвучно красным, затем ещё раз и ещё, ниже и ниже. Вспышек этих будет ровно десять, и с каждой в эфир идёт мощный радиопакет с его позывными и координатами, пробивающий любые помехи – говорят, что его можно поймать даже на Луне.

– Надо же, – спокойно произнёс Нэддон. – Спасибо.

– Было бы за что, – пробурчал Андрей. – Почему сразу не сказал?

– Только что заметить, – ответил американец так, что Андрей решил сразу: врёт. – Well, теперь ждать «таблетку»? Да?

Андрей коротко рассмеялся.

– Размечтался.

Нэддон не понял.

Андрей объяснил: «таблетка» от того, что получила сигнал бедствия, не станет летать быстрее или рулиться

манёвреннее. Она остаётся всё той же здоровенной планетарной железной лягушкой, с точностью прыжка плюс-минус двести метров – и то если пилот очень постарается; на точный режим у неё скорее всего уже не хватит топлива... А даже двести метров на Ганимeде – это торосы, утёсы, расщелины, глыбы льда, лужи льда, и высматривать два скафандра в условиях привередливой радиосвязи задача не из лёгких. А время...

– Да, время идёт, – согласился Нэддон. Поднял левую руку снова, оглядел. Темно-коричневая окалина распустилась уже до локтя вниз и приближалась к сгибу плеча сверху, а там и самое уязвимое место недалеко: крепление шлема. Андрей почувствовал, как жуткий холодок зародился где-то пониже солнечного сплетения, и пополз по рёбрам и хребту, обнимая всё его существо, и он понял, что это страх.

Ведь Нэддон может погибнуть. По его вине.

Что, ребята, заскучили? Я вам так скажу: вы просто знаете, чем всё кончилось, и это всегда прекрасно. Примерно как смотреть на своего оболтуса и думать: хрен с этим тупицей, зато тогда мне точно было хорошо! Этот Эндрю, он неплохой парень, он ведь сразу (выразительно подмигивает) запустил экстренную ракету. Кстати, вы знаете, это ведь исконно русский обычай: если жизнь становится кисловатой, надо запустить что-нибудь повыше и желательно в космос. А если от этого кому-нибудь станет хреново, то можно с ним поговорить и выпить vodka. (Смех, свист, улюлюканье). Русский летающий танк-мутант, который они нам с вот такими честными глазами выдают за, вы не поверите, машину пехоты, маленькая такая машинка маленькой русской пехоты! – это штука со всех сторон просто отменная. Она как конструктор «Лего», открутил там, прикрутил тут – а она всё работает; ну-ка, ну-ка, ещё открутил, ещё прикрутил – работает! нет, это уже интересно, а если вообще вот тут всё открутить, а тут прикрутить – оу! да это же balalaika! (Смех, аплодисменты).

Но речь не технике. База, конечно, услышала экстренный вызов Эндрю. Теперь ей надо было достучаться до русской «таблетки». (Изображает стук по броне). Эй! Есть кто дома? Знаете, тут у нас два чудилы, наш и ваш, терпят небольшое бедствие, вы не заглянете к ним, спасибо, до свиданья. Как назло, в это же время порочный старик Юп в очередной раз воспылал страстью к своему милому дружку виночерпию... Ну вы же понимаете, чем занимались древний

римлянин и древний грек, напившись вина. В общем, над Ганимедом и окрестностями начиналась магнитная буря, и связи не получилось. То есть у кого-то, может, и получилось, но у наших парней – нет.

– Связи нет, – сказал Андрей.
 – Нет, – подтвердил Нэддон через несколько секунд.
 – Ждём, – сказал десантник. – Трасса здесь, они нас увидят.

– С высоты три километра? – скептически поинтересовался Нэддон.

– Тут место ровное, – проговорил Андрей. – Я думаю, пилоты его приметили для прыжка.

– Я думал, что вашей «таблетке» без разницы, ровное место или нет, – сказал Нэддон. – Она же не опускается ниже сколько там метров?

– Не опускается, – подтвердил десантник. – Но всё равно прыгать лучше на ровное место. На всякий случай.

– На всякий случай, – повторил американец. – Это да, it's very... по-русски.

Андрей не стал отвечать. Взаимные выпады, или, как называл эти препирательства лейтенант Мальцев, «межкультурные апперкоты», были основной формой беседы между русскими и американцами на Ганимеде, да и на других международных станциях. Притом что люди туда шли подготовленные, подкованные и с широкими взглядами: Нэддон, например, был по убеждениям левый демократ, хорошо говорил по-русски и неоднократно бывал в СССР не только по службе.

– Эндрю, – заговорил Нэддон. – Мне нужна твоя услуга.
 – Конечно, – осторожно сказал Андрей. Очень уж просто звучал голос американца.

– Запомни и передай нашим командир: похоже, на Ганимеде есть жизнь. Слушай меня! Вот она, – он указал на плечо своего скафандра. – Я полагаю, она питается энергией, и собирается у тех мест, где много энергии. Пробивается туда, прогрызает путь. Много мыслей, Эндрю: возможно, эти льды тоже последствия этой жизни. Я неправильно говорю, да? Ты всё равно запомни. Станции, «Нога-Один», «-Два» и другие, они притягивают эту жизнь, там очень много энергии, на них стоит Зеркало, квантовые преобразования. Эта большая энергия, на Ганимеде такой энергии не было: кванты, субъядерный синтез. Это для неё как чизкейк. Не думай, просто запомни. Повтори!

– На Ганимеде жизнь. Питается энергией, – хмуро повторил Андрей. – Субъядерный чизкейк.

Он не отводил взгляда от плеча американца. Поверхность скафандра уже была с мелкими рытвинами, и ему даже показалось, что он заметил, как граница тёмно-рыжей нечисти продвинулась ещё выше. Скоро будет разгерметизация.

Эх, судьба...

– Субъядерный син-тез. Он даёт ей push, она начинает жрать, – Нэддон поднял кулак в энергичном жесте. – Наша «Нога» провалилась под грунт, потому что под станцией снизу эта дрянь всё сожрала. И в той расщелине. Другие тоже могут, и на базе тоже может быть. Поэтому надо быть осторожно! Ты запомни, Эндрю? На всякий случай.

– Запомнил, – ответил десантник и отвернулся. – Запомнил.

Больше сказать ему было нечего. Да и что тут скажешь.

И тут Нэддон закричал:

– Вижу! Вижу!

Андрей повернулся сначала к нему, затем в ту сторону, куда указывал американец, подкрутил визор – и сердце его, наполнившееся надеждой, снова упало: «таблетка» снижалась, но почему-то в трёх километрах от них. Он, ещё не веря, смотрел, как боевая машина плавно снизилась и снова пошла вверх, в очередной прыжок; она достигнет наибольшей высоты как раз над их головами.

– Они не получал сигнал, – сказал Нэддон. – Хэй! Хэй, мать вашу!

И замахал руками, тяжело подпрыгивая. Какое там! БМП – она ведь для того, чтобы доставить груз и людей из точки А в точку Б, а вовсе не для обозрения надоевших окрестностей, которые, к слову, не подают никаких признаков жизни в радиоэфире, а даже если бы и подавали, никто бы эти признаки не уловил, ибо буря магнитная жестоко весьма есть.

И они махали руками, и подпрыгивали, и кричали на всех частотах – но «таблетка» ушла ввысь, зависла там и, перескочив через них по огромной дуге, стала снижаться дальше по трассе.

– Fuck, – сказал американец раздосадованно. Он сидел на грунте, что инструкцией строго-настрога запрещалось. – Эндрю, я ногу повернул.

И тут Андрей увидел, как из-под шлема Нэддона выходит тоненькая-тоненькая струйка газа. Одна. И сразу же

рядом – вторая. Андрей неслышно выдохнул, секунду оценивающе смотрел вслед «таблетке», затем сказал:

– Эй, Тим. Ну-ка не шевелись.

И снял с плеча автомат.

Первый сеанс прямой связи на субсветовые расстояния с использованием эффекта квантовой телепортации состоялся вовремя. Энергию Зеркалу «Ноги» выдали сколько нужно и когда нужно; эта огромная, размером с Хоккайдо, висящая в вакууме линза из субэлементарных частиц, половина из которых носили самые экзотические названия типа бю-мезона Серебрянникова, а другая ещё даже не была толком открыта – служила гигантской промежуточной антенной между орбитальной станцией «Мир-59» и «Новым Вояджером», добравшимся-таки до пояса Койпера, откуда, собственно, и велась трансляция. На взгляд Андрея, ничего путного «Вояджер» не показал – черная пустота, крохотные звезды и одинокий каменный обломок на расстоянии в паре сотен тысяч километров от аппарата. Обломок, тем не менее, произвёл сенсацию, сути которой он не уловил, да и не стремился – ни тогда, сидя на губе, ни позже, когда уже работал в Новосибирске, в драмтеатре имени Афанасьева. Тима Нэддона наградили отпуском за открытие протожизни на Ганимеди и устранение опасного фактора. Конечно, никуда он со спутника до конца своей службы не улетал, но получил такую солидную компенсацию, что решил уволиться из морской пехоты и поступил в МФТИ; после аспирантуры он принимал участие в освоении Марса и Каменного пояса, а в этом году отправился в первую экспедицию к границам Солнечной системы. Комплекс квантовой телесвязи «Зеркало-Ганимед» по сей день работает в штатном режиме.

Парни, ну теперь вы понимаете, почему хорошо, что наш «скат» стоял в ремонте. Понимаете, нет? Нет? Совсем? А, да. Я забыл, мы же морпехи. (Смех). В общем, если бы Эндрю стрелял в нашу десантную машину, это был бы международный скандал. Мелкий, конечно, но от того ещё более противный! Думаю, полковник Глазков не был бы сейчас полковником, а контр-адмирал Даггич до сих пор бы протирал штаны вместе с нами. А как бы мы жили без вас, сэр? (обращаясь к майору Стэнли; беззвучно, прикрывшись ладонью, выговаривает слово «Прекрасно»; смех в зале).

А русская «таблетка» приняла в себя пару пуль, бортовой комп сообщил, «ай-яй-яй, какой-то ганимедский стрелок в нас садит из «калашникова», что делать, командир? Варианты: уничтожить; уничтожить вместе с Ганимедом; простить и сделать вид, что ничего не было... а потом всё равно уничтожить!» (смех). Это же русская машина, она не виновата, её такой создали.

Но пилот оказался умнее, и уже через три прыжка... Ладно, не через три, но задумался: почему это ганимедяне стреляют пулями от «калашникова», задумался он. (Медленно крутя пальцем у головы). Дальше мысль не пошла, но не буду вас мучить – пилот посадил «таблетку» где надо, принял на борт Нэддона и этого русского парня, и всё закончилось очень, очень печально: Эндрю послали на русскую гауптвахту за то, что не подал сигнал сразу, а Тима Нэддона за его открытие наградили отпуском. А? Что? Ну как «почему печально»? Отпуск, премия, награда – это всегда печально и отвратительно, ведь награждают-то не тебя! Я так понимаю, ты хороший солдат и ещё не испытал всей любви сослуживцев к твоим достижениям. (Смех).

Проклятую ганимедскую ржу, недолго думая, тупо соскоблили. Примерно вот так (показывает жестами), подкаблучники с детьми меня поймут. «Новый Вояджер» вышел в прямой эфир вовремя, квантовое Зеркало не подвело. Ну это вы всё знаете. В конце смены Тим Нэддон оглянулся и, видимо, решил: что-то уж очень тут стало скучно! Не вернуться душе, не порушить ничего толком! Одни морпехи, а какая с них радость: они и так уже ударенные, причём трижды – ну скажите, кто в трезвом уме и твёрдой памяти пойдёт служить (загибает пальцы) в морскую пехоту; на Ганимед; да ещё и вместе с русскими?

Поэтому, в этот рождественский вечер (одобрительные выкрики, аплодисменты), я предлагаю выпить за нас. В первую очередь – за любезно подменивших нас русских, я совершенно искренне им благодарен за это, за русских, которые так сильно хотят быть похожими на американцев, что постоянно делают себе новый фронт... И за нас, за американцев, что хотят быть похожими на русских, ибо мы понимаем, что жизнь без высокой (указывает пальцем вверх), по-настоящему высокой цели, которую можно достичь только вместе, как-то уж очень скучна и бессмысленна.

Merry Christmas! Cheers! Na zdoroviye!

НЕ БЫВАЕТ УВАЖИТЕЛЬНЫХ ПРИЧИН

Виктор Гвор

Сергей

Август 2010, Центральный Кавказ

Я лежу на носилках на краю вертолетной площадки и упрямо пытаюсь разглядеть горы. Вершин не видно, положили неудачно. Вертолет уже здесь, в полусотне шагов. Док и Вовка закончат с формальностями, меня погрузят на борт и отвезут в город, в госпиталь. Сейчас инфаркт лечится. И инсульт лечится. Всё лечится. Только в горы уже не вернуться. Теперь одна дорога – на пенсию по инвалидности.

В город... Туда, где у меня никого и ничего нет. И никогда не было. Где нет гор, где некого и не от чего спасать, где мне никто не нужен, и я никому не нужен. Зачем? Господи, ты, в кого я никогда не верил – если моя служба закончена, прими отставку того, кого всю жизнь звали твоим заместителем! Сейчас, пока я еще в горах. Зачем нужно послесловие?

И в шуме взревевшего двигателя вертолета успеваю явно различить короткое: «Принято».

«Министерство чрезвычайных ситуаций Российской Федерации с глубочайшим прискорбием сообщает, что 18 августа 2010 года на пятьдесят втором году жизни от внезапной остановки сердца скоропостижно скончался заслуженный спасатель России...»

Тёма

Июнь 2057, Подмосковье

Тёма бежал. Бежал через лес, не разбирая дороги, спотыкаясь на кочках и с трудом удерживая равновесие. Срывалось дыхание, ставший вязким воздух с хрипом выходил из легких и упрямо не хотел входить обратно, сердце колотило по рёбрам, стремясь вырваться наружу, и в унисон с ним билась в висках кровь. Слезы застилали глаза и текли по щекам. Но он все равно бежал. Куда угодно.

Только вперед, как можно дальше отсюда, от ненавистного детского дома, от надоедливых воспитателей, от вредных бесчувственных ровесников... Всех к черту! Всех! Ему никто не нужен! Те, кто были ему нужны, кому был нужен он, их нет! И уже никогда не будет! Папа, мама, маленькая сестренка, называвшая его смешным словом «Тё» и так забавно тянувшая крохотные ручки... Их нет!!!

«Современная техника не ломается»... «Только в редчайших случаях...» Не ломается? А отказ двигателя флайера – не поломка?.. В редчайших случаях? А что, ему, Тёмке, легче от того, что случай редчайший? Утром он был довольным жизнью ребенком в счастливой семье, а вечером...

«Время лечит»... «Ты привыкнешь»... От чего лечит? Вернет родителей? Заставит забыть? Он уже месяц в детдоме. Что он забыл? Мамино изломанное тело рядом с обломками этой дурацкой машины?.. Папу, из груди которого торчит какая-то непонятная железка?.. То, что осталось от Танечки?.. К этому можно привыкнуть?.. К чему привыкнуть?.. К душевным беседам воспитателей, переходящим в нравоучительные нотации? К презрению мальчишек, никогда не видевших своих родителей и не понимающих его беды?.. К жалостливым взглядам девчонок?.. К тому, что он один на всем белом свете?.. К чему?

«Мужчины не плачут»... Значит, он не мужчина... Ему всё равно... Зачем, вообще, жить на свете, если ты один и никому не нужен... Зачем... «Мужчины не плачут...»

– Кто тебе сказал эту глупость?

Сергей

Июнь 2057, Подмосковье

Прихожу в себя мгновенно. Только что лежал на носилках, ощущая свою полную беспомощность и бесполезность, и вдруг несусь по летнему лесу, проламывая кусты тщедушным телом двенадцатилетнего ребенка. И в тот же миг захлестывает волна эмоций. Не моих, но от этого не менее сильных и страшных. Сознание автоматически

переходит в аварийный режим. Ситуация прокачивается мгновенно. Ее фантастичность ни на секунду не отвлекает: разбираться, что, как и почему, будем потом. Сейчас только факты. Я бегу по лесу в чужом теле. И я в нем не один, а вместе с настоящим хозяином, двенадцатилетним пацаном, которому хреново настолько, насколько, вообще, может быть хреново человеку, потерявшему в жизни всё, и ничего не получившего взамен. А парень еще и накручивает себя... Пока достаточно. Работаю! Для начала надо сбить с волны. Выхватываю обрывок мысли: «Мужчины не плачут...» и перебиваю мысленным же вопросом: «Кто тебе сказал эту глупость?».

Хорошо, что я успел замедлить бег, а то мальчишка кувыркнулся бы в кусты, так резко и неожиданно он останавливается. Начинает испуганно озираться, потом неуверенно спрашивает:

– Кто здесь?

«Да не крути ты головой, перед глазами всё мелькает. Меня каким-то образом занесло внутрь тебя».

– Как это?

«Откуда я знаю? Пришел в себя, а вокруг деревья мелькают. Ты же бежал, как чемпион мира».

– Но так не бывает!

Парнишка напуган. Не страшно, по сравнению с тем ураганом чувств, который только что бушевал у него в голове, этот испуг – ерунда. Легкий ветерок.

«Я сам знаю, что не бывает. Слушай, давай куда-нибудь присядем и попробуем понять. Раз я уже здесь».

Мальчик садится на бугорок, и мы начинаем разбираться. Самое главное – занять парня делом, а дальше эмоциональный всплеск пройдет, и будет значительно легче. Как помочь в глобальном плане – это вопрос... Но что-нибудь придумаю, другого выхода нет...

Через час

Некоторую ясность имеем. Управлять телом можем оба. Если один расслабляется и думает о чем-то постороннем, то второй шевелит конечностями абсолютно полноценно. Попробовали, потренировались. Получается! Даже мои рефлексы, в основном, сохранились.

Мысли друг друга воспринимаем только, если они адресованы напрямую. Примерно как обычная речь. В целом-то это хорошо, ни к чему мальчику размышления старого маразматика. А вот самому маразматику не грех и подумать.

Не верю, что воспитатели в детдоме такие идиоты, как кажется Артёму. После всего пережитого, ребенок в принципе

неспособен воспринимать что-либо адекватно. А вот с детьми хуже. Потерявших родителей в детдоме нет, несчастные случаи – редкость. И дети встраивают новичка в свою привычную иерархию, где прав, чаще всего, самый сильный. Так было, есть и будет, во все века и во всех странах. Подрастут – может быть, что-то изменится. Но лет до шестнадцати...

Тёмка к «встраиванию» не готов. Домашний мальчик, привыкший быть любимым и любящим. Хороший, добрый, с тонкой душевной организацией... Нечего ему противопоставить Ваське-Бибизяну, будущему лучшему слесарю какого-нибудь закрытого завода, а пока обыкновенному четырнадцатилетнему «троглодиту», кулаками доказывающему своё первенство.

«Может, с Васьки и начнем?» – спрашиваю напарника.

«А что мы можем? – заинтересовался, но пессимизма в голосе хватает, – он сильнее... и старше».

«Просто набьем морду. Нас двое».

«Тело-то одно, – уныло вздыхает Тёмка, – а Васька здоровый».

«Чем больше шкаф, тем громче падает. – похоже, эта присказка парню не знакома. – Главное, в себя верить. Ну, раз страшно, в этот раз я им займусь»

Мальчик соглашается, всё равно от конфликта не уйти, а скинуть ответственность – счастье, он слишком устал от одиночества.

Двигаем к корпусу. Встреча происходит даже раньше, чем планировали. Да, Бибизян и есть Бибизян. Глазами двенадцатилетнего – здоровенная горилла с пудовыми кулаками. Ладно, сам же говорил про шкаф. Иду прямо на него, не отворачивая: пусть уступает дорогу.

– Эй ты, недоделанный, куда прешь!

– Сам с дороги свалишь, или тебя подвинуть?

Васька от подобного хамства только рот разевает:

– Чего?

– Уступи лыжню, верзила!

Нарываюсь? Ага! А чего тянуть? У ребенка и так комплексов полно, хоть один снимем.

Васька подобного обращения не выдерживает, и огромный кулак летит в голову. Он что, думал, я буду ждать? Чуть вбок, развернуть тело, перехватить бьющую руку и потянуть вперед. Не забыть ногу подставить.

– Это не я тебе нос разбил. Это ты сам споткнулся, бибизян лопухастый!

Клиент доведен до кондиции. Кликуху свою Васька любит не больше тушеной капусты! А потому вскакивает, и ле-

тит на меня, как бык на красную тряпку. Совсем не боец, делай с ним, что хочешь. Но ломать ничего не будем, это всего лишь детская драка, а не смертельный бой с врагом Советской Власти.

После третьего приземления Васька встает гораздо медленней. Смотрит на меня, как баран на новые ворота, и вопрошает:

– Это что было?

– Охота на бибизянов. Добавить?

Встать в четвертый раз не даю. Прижимаю к земле коленом и беру руку на болевой.

– Сломать?

– Не надо!!! – в голосе «грозы детдома» проскальзывают плаксивые нотки. Всё-таки, не матерый урка, а мальчишка мальчишкой. – Я больше не буду!!!

– Конечно, не будешь! Еще к кому полезешь – сломаю!

Иду к корпусу. Собравшаяся толпа детей расступается, освобождая мне дорогу. Не успевший вмешаться мужик («Андрей Валентинович, воспитатель старшей группы» – подсказывает Тёма) пытается загородить путь, но, встретив мой (мой, не Тёмкин) взгляд, отступает в сторону. Прохожу в палату, заваливаюсь на койку. Всё тело ломит, физическими кондициями ребенка явно пренебрегали. Ничего, подтянем, главное – заинтересовать...

«Дядя Сережа, а Вы где так здорово драться научились? Вы военный?»

«Я спасатель. Спасатель должен уметь всё».

«А чем занимаются спасатели?»

«Пытаемся предотвратить гибель людей».

«А я смогу?»

«Сможешь. Но придется очень многому научиться. Больше, чем военному или учёному»

«Так много? Почему?»

«Понимаешь, Тёма. У спасателя есть только одна уважительная причина не прийти на помощь. Собственная смерть. И то не всегда».

«Как это не всегда?»

«Я умер сорок семь лет назад. Но видишь – пришел»...

Январь 2060, Подмоскowie

«Раз... два... толчок... раз... два... толчок...»

Тёма бежит на лыжах. Хорошо бежит, размеренно, два года тренировок дают о себе знать. Физо подтянули. Сейчас тренировки доставляют исключительно удовольствие. И педагоги не возражают, вполне нормальные оказались

ребята. Сзади пыхтит Васька Мартышов. Бывший Бибизян. С того дня, когда я его побил, ходит за Тёмкой хвостиком и старается делать всё, как мы. Даже учёбу подтянул. Ни я, ни Тёмка не возражаем. И спарринг-партнера на тренировках лучше не найти, и самому Ваське это полезно. О драках в детдоме давно забыли, разве что изредка пара мальцов расквасит друг другу носы из-за какого-то пустяка. Да и то будет серьезное разбирательство, за что и почему.

А мы занимаемся. Всем, чем можем. Горные лыжи, биатлон, ориентирование, походы, скалолазание... Всё-таки, за полсотни лет многое изменилось в системе. По крайней мере, когда Тёмка попросил начальство сделать скалодром – сделали. Точнее, закупили всё необходимое, а делали мы сами. Не только мы с Тёмкой, но и полтора десятка добровольцев.

Не уверен, что администрация откликнулась бы на просьбу любого воспитанника, но мы – краса и гордость. Отличник, спортсмен, председатель совета дружины... Пионерской. Пионеры здесь, как в дни моей молодости. Раз есть СССР – значит, есть и пионеры. А СССР есть. В своё время это немало удивило. И очень обрадовало. Правда, легкость получения скалодрома – намного больше.

Телом я практически не управляю. Только изредка, для удовольствия, когда Тёмка хочет ненадолго расслабиться. А что делать? Это же его тело, и еще неизвестно, в какой момент мне придется уйти...

Май 2061, Подмоскowie

«Разрешили!!! Получили согласие! Нам разрешили!»

Тёма ликует. Все годы он мечтал попасть в горы. И никак. Походы детей без взрослых запрещены. По Подмоскowie с нами ходят воспитатели. Даже зимой Андрей, тот самый, встреченный нами в первый день моего присутствия, решается выбраться в лес на выходные с «отмороженными» детишками.

Но поехать на месяц в горы – совсем другое. Так и не сложилось. И вот...

Практика перед выпускным классом – особая. До этого место для работы выбирается централизованно. И профессии тоже. А последняя практика – по выбору. Человек едет подбирать себе место будущей работы. Попробовать её на зуб, чтобы за последний год решить окончательно. Можно и не выбирать, если не определился. Но кто знает, чего хочет, имеет хороший шанс. Васька в прошлом

году ездил на погранзаставу, сейчас собирается служить. А Тёма запросил практику на Базе. В моей родной Службе. И сегодня пришло подтверждение. Как мы его ждали! Оба! И неважно, что отказы бывают крайне редко, не принято так с детьми, тем более сиротами. Но... Тёмка уже обжегся на «редчайших случаях»... Никуда не ушла боль, сидит в глубине не затянувшейся раной...

Мне же особая радость: очень хочется побывать дома. Постоять на могилах ребят, посмотреть на горы, где помню каждый камень. Да и глянуть, как теперь живет Служба. Наша Служба, пережившая не одну смену правителей, формаций и государств. Служба, невзирая на все передрыги, просто занимавшаяся своим делом. Собственно, я и о властях всегда судил по отношению к Службе... Очень хочется посмотреть на новых ребят, сменивших нас на этом посту. Каковы они? Не придется за них краснеть?..

Август 2061, Центральный Кавказ

Высаживаемся в Поселке. Через четыре часа должны прислать «вертушку». Вот так, у Службы есть своя «вертушка»! Причем, не вертолет, а новейшая машина на антигравях – свежее направление в технике. Из того, что нам удалось выяснить, выходило, что надежна она, как наши ноги, но намного быстрее, проста в управлении, и может садиться в таких местах, о которых вертолету и мечтать не приходится.

Но мы приехали раньше расчетного времени, променяв суперкомфортабельный автобус на раздолбанный грузовик времен первого Союза. И ждать встречающих не собираемся: двенадцать километров по знакомому ущелью вполне по силам. Тёмка рвёт с места, даже не спрашивая моего согласия. А чего, собственно, спрашивать, и так понятно!

В ущелье ничего не изменилось. Нет, конечно, выросли новые елочки, взамен погибших старых, где-то упали на дорогу вездесущие камешки, где-то, наоборот, что-то с дороги сбросили... Блестит металл нового подъемника в воротах: естественно, старый должен был пойти в металлолом еще до моего прихода в Службу, хотя оставался в строю и в день моей смерти... Но в целом ущелье то же. Горы стояли многие тысячелетия и простоят еще столько же. Они вечны, что им человеческая суeta и мельтешение...

Тёмка бежит по ущелью, впитывая новые впечатления, о которых он мечтал четыре года, а я просто наслаждаюсь. Свершилось. Я вернулся домой...

Через два часа

База встречает знакомым пейзажем. Даже краска на строениях точно такая же, как пятьдесят лет назад. На плацу стоит... Соловей! Те же почти два метра роста, короткий ёжик выгоревших волос, нос картошкой и глаза цвета горного неба... Откуда?.. Как?.. Соловей, старый друг и товарищ, погибший в лавине в девяносто восьмом... Я чуть было не перехватываю управление телом, чтобы броситься к нему, но останавливаюсь. Не Соловей это. Просто похож. Чудеса бывают очень редко...

– Это кто к нам пожаловал? – вопрошает стоящий, – неужто, подрастающее поколение практикантов решило сэкономить ресурс нашей «вертушки»?

Тёмка вытягивается. Еще бы, перед ним НАСТОЯЩИЙ СПАСАТЕЛЬ. «Язви, – сразу подсказываю, – он язвит, и ты язви». Парень понимает.

– Не хочу на своей шкуре проверять, – тянет он, – успел ли начальник обучить медведей водить новую технику.

– Ишь ты... языкастый... – усмехается дылда, – а знает ли молодое поколение, что такое кошки?

– А как же. Это пушистые мяукающие зверьки, которых злые и бездушные альпинисты привязывают к ногам, когда выходят на ледник. Животные цепляются когтями за лед и идущий не соскальзывает... Но лично Вам больше подошли бы пантеры.

– А ледоруб?

– Специальное устройство для убийства политических деятелей. Если предварительно заморозить жертву в лед, то описываемый предмет можно использовать для самозадержания на склоне. И предвзяв следующий вопрос...

«Соловей» не выдерживает и заходится смехом:

– Карабин – вид оружия, которым сваны привязывают лошадь, а ледобур – это то, чем рыбаки бурят лёд...

– ...городского катка, – хором заканчивают оба.

– Свой человек! – спасатель хлопает Тёмку по плечу и протягивает лапу, – Влад Скворцов. Можно просто Скворец!

– Тёма. Дядя Скворец...

– Нет уж, нет уж! – возмущается окрещенный, – либо дядя Влад, либо просто Скворец! Дядя Скворец – это перебор! А лучше избавляйся от «дядя». Нам работать вместе.

– Котэ – орет он в сторону радиорубки, и у меня ёкает сердце. – Давай сюда, пополнение прибыло.

Из окна высовывается голова явно грузинской национальности.

– Слюшай! Нэ могу. Занят, да?

Нет, совсем не похож. Да и откуда здесь взяться Котэ Сапишвили, третьему бойцу нашего «Похоронного Бюро»? Ему сейчас больше ста... Было бы.

Кто-то, может, еще жив... Не более. И уж никак не работает. Самому молодому, Толику-маленькому, уже за семьдесят...

– Палыч! – тем временем орет Скворец, – Палыч! Практикант прибыл!

– А коммуникатор у тебя зачем? – раздаётся голос, от которого...

Я поворачиваюсь, наплевав на Темкины желания, вообще забывая, что я не я, а Тёмка. Потому что слух меня не обманывает. От столовой неторопливым, уверенным шагом идет поседевший, покрывшийся морщинами и даже немного ссутулившийся Толик-маленький.

Через две недели

Уже две недели... Служба не изменилась...

Нет, конечно, вместо «Самшита» времен моей молодости стоит новенький трансивер. Даже не трансивер, а нечто невообразимое, видео, с экраном на полстены. И не схематичная хребтовка района занимает вторую половину, а интерактивная спутниковая карта, на которой в режиме онлайн можно наблюдать не только передвижения групп, но и состояние людей по данным личных коммуникаторов. И кошки у ребят с изменяющейся конфигурацией зубьев. И палатки, по надежности и комфорту больше похожие на дома... А антиграв-«вертушка»? Сколько безнадежных спасов можно было вытянуть? А сколько наших ребят накрылось в местах, через которые теперь просто перелетают...

Нет, технически Служба выросла очень сильно. Видно, что о нас, наконец, стали заботиться, впервые чуть ли не с момента создания. Наконец-то, там, наверху, поняли, что тем, кто спасает людей, надо помогать, а не ставить палки в колеса. И это хорошо, очень хорошо... Отношение к детям и спасателям – два индикатора, говорящих обо всём.

Но Служба не изменилась. Потому что Служба – это люди. А люди не изменились. Дерьма здесь не бывает, то нет оно, вопреки расхожей поговорке. Слишком тяжела работа и слишком велик риск. Не окупаются никакой зарпла-

той. Здесь только те, кто работает не за деньги и льготы. Кто согласен и на риск, и на пахоту. Для кого не бывает уважительных причин для отказа от выхода. Кроме одной. И то не всегда...

Идем по нашему кладбищу. Мы приходим сюда каждый день. Я и Тёмка. Идем вдоль могил. Палыч, мой первый начспас... Марина, его жена... Андрей, их сын... Миха Харадзе... Соловей... Это те, кого проводил я. Хотя нет, Марина погибла раньше, еще до моего прихода... Моя могила. Рубеж, граница, первая, которую закрывали уже без меня... Увы, не последняя... Любомир, в тридцать пять лет, лавина... Серега, в сорок два, камень... Вовка... Толик-большой... Акрам, лагерный сторож, горец, не любящий гор, вытащивший меня с последнего выхода и погибший через два года... Мои ребята: те, кого я учил... Ряд продолжается. Меняются только имена и цифры: 2017... 2024... 2043... И так до прошлого, две тысячи шестидесятого. Последняя потеря Службы. Несмотря на интерактивную карту, суперкошки и антиграв. Потому что горы – всегда горы, а человек – всего лишь человек. Он будет идти вверх, преодолевая любые трудности, и, увы, будет нести на этом пути потери... А мы будем пытаться эти потери сократить. Нередко ценой своих жизней...

Вой сирены выдергивает из размышлений. Тёмка, перехвативший тело, уже несется к рубке. Туда же сбегаются остальные. Толик командует:

– Камнепад на Чайке. Побита двойка на Южной стене. Скворец, Котэ, Ванька, Шустрик, Мираб. Пошли ребята.

– Палыч, в лагере резерва не остается.

– Я остаюсь. И Тёмка. Дуйте впятером, травмы тяжелые.

– Палыч, тебе же нельзя. А Тёмка... молодой еще. Ты не обижайся, Тём, но рано тебе. Палыч, давай лучше возьмем пацана, а тебе одного из ребят оставим.

– Он на стене работать не сможет. Чистый балласт. А тут пригодится!

Всё правильно, Толик. Ты же не знаешь, кто прячется под маской шестнадцатилетнего подростка. Может Тёма работать Чайку. Просто потому, что я там отмотал больше, чем любой из твоих ребят. Но нет времени убеждать. И не нужно, антиграв и так перегружен.

Парни выбегают, расхватывая дежурные рюкзаки. Через пять минут «вертушка» взлетает, уносясь в сторону, где мы с Соловьем весь декабрь девяносто второго искали Андрию... Откуда Палыч, тот, первый Палыч, сутки тащил его невесту, оставив на леднике тело сына... Антиграв и сегодня

няшняя медсумка могли спасти Андрюху... А значит, и Палыча...

Сидим вдвоем (или втроем?) и пялимся на карту. Антиграв долетает к подножию за десять минут. Доклад Скворца:

– Посадка на вершину невозможна, ветер. Пойдем троими.

Толик вскидывается. Еще бы, риск сумасшедший, особенно для первого. Но садиться на ледник и идти всю стену – слишком долго, маршрутов ниже «четверки» на Чайке нет. А если парням удастся... на ледник «вертушка» сядет на автопилоте, ледник – не вершина.

Десять минут ожидания и нервов... Десять минут длиной в чью-то жизнь... И расцветающее улыбкой лицо Толика: нового памятника на кладбище не будет. Получилось!

А еще через час...

– Вне опасности. К рассвету спустим...

Беда пришла позже. Когда по экрану связи побежали большие красные буквы, я даже не понял, что случилось. Только побелевшее лицо начспаса...

– Анатолий Павлович, – Тёмка тоже забеспокоился, – что...

– Крандец! – выругался Толик. – Всему крандец. Запуск межпланетного корабля. Внеплановый. Мы в коридор попадаем. Высосет энергию с двигателей. Неделя на перезарядку. Единственный минус антиграва. Новая техника, не доведена еще. Мать!!! Раз в сто лет бывает!

Он переключил рацию

– Чайка, ответь Базе.

– Здесь Чайка.

– Скворец, такая хрень...

Они говорят, а я думаю. Можно донести до подножия акьи. Две акьи старого образца, позволяющие тащить людей с такими травмами своим ходом. И двадцать килограмм весом. Каждая. Плюс килограмм десять барахла набегит. Два десятка километров и километр набора. В лучшие годы я успел бы с запасом. Но Тёмка сам весит меньше. А Толику нельзя. Сердце. По моим стопам... Да и не тот у него уже темп...

– Палыч, мы спустим их к подножию, и что-нибудь придумаем, – рация замолкает.

– Я отнесу акьи, – говорит Тёма.

– Нереально. Не вытянешь.

– Должен. Волокушу сделаю. Вытяну.

«Дядя Сережа, как его убедить?»

«Нереально, Толя прав. Сдохнем по дороге».

«Ему нельзя. Я смогу. Не бывает уважительных причин...»

Как не хочется умирать во второй раз. Но Тёма прав: не бывает уважительных причин не прийти на помощь. Никаких. И собственная смерть тоже не оправдание.

– Ты и дорогу не знаешь, – машет рукой Толик. – Именно туда и не ходил... Мне идти. Или вдвоем...

– Я знаю, – это уже не Тёма, это говорю я, – Толик, Тёмка сможет. Я сам его готовил.

– Кто «я»? – шепчет начспас. – С ума сходишь, парень?

– Тот, кого ты пятьдесят лет назад называл Заместителем Господа Бога. Я вернулся, Толик. Не бывает уважительных причин. Совсем не бывает...

Через шесть часов

«Тёмка, следи за дыхалкой».

«Хорошо...»

Тяжко... Хорошо идем, но усталость копится, вымывая силы. Подмена – чисто психологическое мероприятие, тело у нас одно, и пройденный путь ощущаем мы оба, никуда не деться. Уже не помогает витаминный раствор. Не спасают таблетки. Слишком тяжело держать темп, когда груз в волокуше превышает свой собственный. Но надо. Иначе не успеем...

Сбивается дыхалка. Восстанавливаем, тяжело навалившись на ледоруб.

«Можно считать шаги, помогает».

«Попробую».

Начинает считать. Хватает на триста. Подышать. Еще триста... Двести... Еще двести... Сто пятьдесят... Сто тридцать... Восемьдесят...

– Не... могу... больше... – хрипло вырывается из горла.

«Сменить?»

– Я... сам... Сколько... осталось?..

«Полчаса хорошего хода».

– Что... время?..

«Около часа».

– Успеем... Должны...

«Съешь таблетку. И попей»

– Угу...

Сто семьдесят... Сто тридцать... Девяносто... Сто... Пошло чуть положе, но это ненадолго... Сто двадцать... Восемьдесят... Опять круче... Шестьдесят... Сорок...

«Привал. Поешь, энергия нужна. И еще таблетку зажуй».

Плюхаемся на акью.

«Давай сменю. Отдохнешь немного»

– Не... надо... Смогу...

«Рядом совсем».

– Знаю...

Тёмка заглатывает рацион и встает. С трудом, побряхывая, как будто ему не шестнадцать, а семьдесят. Затекая за время привала мышцы отзываются привычной ноющей болью. Мне привычной, не Тёмке. Болит каждая, даже самая маленькая, мышца. Застегивает пояс волокуши... Опять бесконечный счет... Триста... Еще триста... Сто девяносто... Сто двадцать... Сто десять... Восемьдесят... Пятьдесят... тридцать два... и привалиться к боку антиграва. Пусть усыпленного, но такого родного...

– Я пришел... Я пришел, ребята... Я пришел!!!

А со стены падает конец веревки. Последней веревки, которую осталось пройти основной группе...

Тёмка отдыхается, а я вдруг понимаю, что ухожу обратно в небытие. То ли пришло время, то ли выполнил свою задачу, то ли... мысль обжигает...

«Тёма, ты как?»

«Нормально».

«Без героизма. Ощущения?»

«Отдышался уже. Вы разве не чувствуете, дядя Сережа?»

Что ж, если за этот переход должна быть заплачена жизнь, то пусть она будет моей. Одной могилой меньше...

«Ухожу, Тёма».

«Как?»

«Совсем. Наверное, всё сделал. Меня не спрашивают. Прости...»

Последнее, что слышу – надрывный Тёмкин крик.

Тёма

– Не-е-е-ет!!!

– Темыч, с тобой всё в порядке?

Спустившийся со стены Скворец подбежал к истошно кричащему мальчишке. Тёмка посмотрел мутным взглядом и хрипло выдавил:

– Всё нормально.

– Идти сможешь? До Базы?

– Да. И на акье работать смогу. Не бывает уважительных причин...

Через день

– Тёма... Извини, что спрашиваю...

– Он ушел... Совсем... Там, у вертушки...

– Это, действительно был он? Викторич?

– Он... Четыре года вместе... Ушел... Почему?..

– Откуда ж... Жаль... Если б ты знал, какой это был человек... О чем я, кому же, как не тебе, знать...

– Анатолий Павлович, я смогу стать спасателем? Сам, без него?

– Как кончишь школу – жду. Через год?

– Через год...

На плацу Базы Службы, обнявшись, вытирали слезы два человека: начспас и практикант, старик и мальчишка, прошлое и будущее...

Мужчины не плачут? Кто вам сказал эту глупость?

ПОЛЧАСА ГОРОДА-ЛЕСА

Дмитрий Санин

Эта удивительная история произошла три года назад, в сентябре 2061. «Удивительная» – потому что никогда я больше не испытывал такого удивления.

Был обычный рабочий день. Часы показывали 13:45, пора было идти обедать. Я освободился первым, погасил тач-зону и подошёл к окну, в ожидании, пока остальные тоже выйдут из конвейера. Настроение было приподнятым: я очень качественно потрудился за утро, размотал целых три Q-противоречия (притом довольно элегантно размотал) и дал несколько хороших пасов ребятам. Отчего ощущал зверский аппетит и несравнимое ни с чем чувство не зря прожитого дня.

За окном светило неяркое осеннее солнце. Только солнце – Зеркало не работало, лишь чуть виднелось в небе, огромным белёсым четырёхугольником. А небо было синее-синее, с короткими росчерками реактивных следов, и лес внизу был как на ладони. Он тянулся до самого Финского залива – местами зелёный и рыхлый, местами ослепительно-жёлтый под солнцем, как флуокартина. Когда я был мальчишкой, лес только-только начал наступление на город, робко захватывая окраины. А теперь среди безбрежного леса виднелись лишь несколько каменных островков исторического центра. Остальное лес поглотил – оставил только крыши зданий, линии СКОРТ, да торчали из леса там и сям одинокие башни заводов. И тянулись по небу ровные вереницы вертолётов, на разных эшелонах.

Ребята задерживались: что-то ещё гоняли по цепочке. Паша подпер лоб левой рукой и небрежно крутил правой в тач-зоне. Калью погрузил в свою тач-зону обе руки и сосредоточенно моргал белёсыми ресницами, глядя в С-монитор. А практикантки Оля и Таня сидели ко мне идеально ровными спинками – то есть личиками к Калью – и, готов поручиться, постреливали в него глазками. Нравится им у нас; и дело тут не в радостях совместного творчества, а в нашем обстоятельном викинге. Шерше, так сказать, ль'ом.

Я немного размялся. Несколько раз присел с выпрыгом, потом слегка погонял тень, загнал её в угол и повышиб из неё все перья. В качестве тени я представил себе бессовестного Калью. Дело, разумеется, не в практикантках Оле и Тане – не в моём они стиле абсолютно – но в конце-то концов! Это из-за него я страдаю от голода. Он не торопится по причине неторопливости; девочки ни за что не выйдут раньше него; а Паша не торопится вместе со всеми.

Ожидая ребят, я подумал, что хорошо бы сегодня съесть уха. Знакомые мои в большинстве при слове «уха» скучнеют и бормочут про «невкусную варёную рыбу». Не любят они супов. Не понимают, несчастные, что правильно приготовленный суп стоит хорошего шашлыка. А уж уха... Сытная, с наваристой юшкой, дух от которой поднимается к небесам из ложки... Золотая, жирная, с зелёным лучком сверху. Чтоб двумя тарелками – до состояния полного философского удовлетворения. И к ней хлебца белого, разогретого с чесночным маслом... У меня заныли жевательные мускулы. Пришлось ещё немного поколотить тень бессовестного Калью. Интересно, почему в столовой не готовят нормальную уху? Дома – пожалуйста, на рыбалке – пожалуйста, в «Золотой Рыбке» – пожалуйста, а в столовой – никак, только рыбный суп. Даже если этот рыбный суп и называется звучно «Уха ростовская» или даже «Уха по-царски с садковой стерлядью». Опять же: почему дома цыплёнок табака – приличное блюдо, достойное гостей, а в столовой это же, в сущности, блюдо под названием «кура жареная» – достойно только того, чтобы съесть и забыть? Машинная готовка? Но в «Золотой Рыбке» тоже машинная готовка. Специфика больших объёмов?

Я посмотрел вниз. С Феодального показался автобус, совсем крошечный с нашей высоты: он осторожно завернул на Капиталистов и скрылся среди деревьев.

Раздался звонкий щелчок: Калью погасил тач-зону. Ну наконец-то! Я был готов его съесть. Щёлкнули тач-зоны девочек. Последним вышел Паша.

– Не бей нас, Слава, – сказал он. – Не могли отложить. Зевсу-Громовержцу срочно потребовалось.

Ну, это святое. Громовержцев подводить нельзя. Кто Громовержца обманет – тот Гитлером станет.

Мы вывалились из цеха.

– Может, до «Золотой Рыбки» дойдём? – предложил я. – Погода отличная... Брат Митька помирает, уши просит.

Калью подтвердил:

– Да, погода отличная. Можно дойти до «Золотой Рыбки».

Девочки переглянулись и романтически заблестели глазами. А Паше было всё равно.

Но увы, в «Золотую Рыбку» мне идти не пришлось. Позвонил Олег, по категории «экстра».

Он был бледен до прозрачности. Волосы его почему-то мокро слиплись.

– Старик, привет! – Олег вымученно улыбнулся. – Помоги, пожалуйста.

– Что случилось?

– Нижнюю конечность ухитрился сломать.

– Ух...

– Ничего, жить, говорят, буду. Но в два часа должна прийти группа школьников на профориентацию. Встреть их и поводи по заводу, вместо меня, а?

Я слегка растерялся. Дело было, разумеется, не в ускользающем обеде. Просто водить школьников по заводу – это я не умею, совершенно не готов. У меня же нет никакой педагогической подготовки! Что им говорить?! И вообще я не оратор – слушать больше люблю, а не говорить, не моя это стихия.

Но помощь – дело святое. Я показал ребятам жестами, что обедать уже не иду. Они почему-то сделали виноватые лица.

– Встречу. А что им говорить?

– Да ничего специального. Покажи им брейн-конвейер, расскажи, как работает, в общих чертах. Это же дети – говори с ними просто. Обязательно дай самим попробовать, что-нибудь из «лапши» дай. Главное – постарайся заинтересовать, в этом весь смысл мероприятия. А то эти оболтусы всё в Пространство рвутся, приключений ищут – объясни, что у нас интереснее.

– Хорошо, – пообещал я. – Выздоровливай.

Мы распрощались.

Чёрт. Легко говорить «говори с ними просто!» И ещё раз – чёрт! Что я им скажу?

Часы показывали уже 13:51. Я вспомнил автобус под окнами: это явно приехали они, и заторопился к северным лифтам.

Первый приступ нежелания перемен миновал, и я уже примерно представлял, как начать. Наверное, начать надо с «Интересной профессии-2060». Хотя нет – зачем этот формализм? Просто сказать: мол, раз цель жизни – прожить интересно, то у нас с этим порядок. Да, именно так. А дальше – по-свойски.

По пути я наткнулся на Громовержцев – они оккупировали вестибюль. Так и подмывало подойти, похвастаться перед Зевсом-Громовержцем моим утренним разворотом подгрупп – но я, разумеется, удержался и почтительно прокрался мимо, на цыпочках. Величественное это зрелище – Громовержцы дуэтом за работой. И дело даже не в их титанической внешности. Просто когда они работают, кажется, что само время вибрирует и сгущается вокруг их громадных лбов, и в воздухе слышен тяжёлый гул от напряжения их мыслей. Зевс-Громовержец, по обыкновению, восседал на подоконнике, держа голокарту на манер книги. А Индра-Громовержец, опять же по обыкновению, бесстрастно восседал в кресле, приопустив веки, пыхтел трубкой. Пахло ароматным табаком. Громовержцы не удостоили меня вниманием – гоняли какую-то задачу. Судя по разветвлённым диаграммам на голокартах, что-то Q-ёмкое. Надо бы осторожно показать их школьникам – пусть посмотрят, что такое дуэт титанов...

Школьников оказалось аж сорок человек, с ними завуч – нестарая ещё дама, невысокая, в строгом костюме, с идеально уложенными волосами и профессионально-зычным контральто. При звуках этого контральто мне рефлекторно захотелось построиться парами и взять в руку флажок. А школьники оказались слегка постарше, чем я предполагал – восьмиклассники. Нежные пушки под носами у парней, наточенные глазки у девчонок. Ничего себе – «дети»!.. Самый зловредный возраст. Противное гоготание, малопонятные мне словечки... Отдельные экземпляры вызывающе отгородились от мира вирточками. А одна оторва с ярко светящимися синими патлами принялась смущать меня взглядом. Глаза у оторвы были синие-синие, романтические и загадочные. А ноги – длинные и загорелые, торчащие из легкомысленных шортиков. А ещё на ней был синий свитерок с огромным свободным воротом. Вот уж не думал, что свитер может быть легкомысленным... И вообще оторва была довольно хорошень-

кая, только излишне яркая. А над губой её играла крошечная голотатушка-«шведка». Я мельком подумал, что уже начинаю брюзжать на молодёжь.

– Здравствуйте, ребята, – сказал я и поднял руку. Школьники оказались воспитанными, перестали гоготать, и даже вежливо поснимали вирточки. – Меня зовут Слава, я – рабочий конвейера, и покажу вам наш завод. У меня к вам есть просьба. На конвейере сейчас работают люди – пожалуйста, не отвлекайте их. Просто смотрите, слушайте, и если будут вопросы – тихонько спрашивайте. Хорошо?

– Хорошо-о-о... – пообещали они.

И я повёл их к лифту.

– Я знаю, многие из вас считают работу на конвейере чем-то скучным. То ли дело Пространство или океан, да?

Школьники оживились, снова раздалась смехи. Один из нежноухих юнцов мрачно спросил:

– А что не так с Пространством, по Вашему мнению?

С боков юнца подпирала два друга; у всех троих – вызов в глазах, руки воинственно скрещены на груди, спортивные стрижки, курточки фасона «мой старший брат учится в Можайке». Всё с ними было ясно. Остальные хихикали – явно над ними.

Завуч спокойно молчала.

– Конечно же, ничего не имею против космоса, – сказал я. – Но вот мой одноклассник Олег, проработав два года в Пространстве, в поясе астероидов, бросил космос, теперь работает у нас. Он ждал от космоса приключений и романтики – но оказалось, там ничего нет, кроме пустоты, скучных железяк, осторожных людей и рутинной работы.

– Ничего, нам там скучно не будет, – холодно пообещал юнец-космонавт.

– Всё же имейте в виду – не всё там радужно. Понастоящему интересно не там, где ждёшь романтики.

Белобрысый прыщавый дылда, подпиравший юнца-космонавта справа, вежливейше поинтересовался, ломающимся баском:

– А где, по-Вашему, интереснее?

Мы поднялись на наш этаж и вышли из лифта.

– Интересное – выход за границы обыденного, то есть познанного. Познание – пища разума. И вот у нас – непознанное в каждой задаче. Каждая задача, проходящая через брейн-конвейер, решается человечеством впервые.

– По Вашему, космос обыден и познан? Извините, не смешно.

– Космос, конечно, велик, – согласился я. – Но работа пилота – в том же поясе астероидов – боюсь, может оказаться настолько познанной и обыденной, что... – я развёл руками. – А вот у нас – каждый день непознанное. Собственно, об этом я и хочу с вами всеми поговорить.

Уф – кажется, завязалось. Я набрал побольше воздуха и начал.

– Итак, мы – рабочий класс, руки и мозг Планеты. Мы этим очень гордимся. Но всё равно ещё сплошь и рядом принято считать, что рабочие заняты чем-то неинтересным, непрестижным. Такова инерция мышления, пережиток времён, когда труд был ручным.

Мы вышли к распределительной площадке – оттуда открывается самый эффектный вид на наши цеха. Особенно впечатляет сборочный цех – там всегда интересно. Я поставил ребят у перил. Внизу, в анфиладах, вовсю кипела работа. Горели «голопопы», шла передача по цепочкам, кто-то слонялся среди пальм и кустов рекреаций, размышляя. В сборочном цехе лепили метановый супертанкер.

Мы посмотрели, как в супертанкер встраиваются ходовые машины, как шпангоуты обрастают обшивкой, как возникают надстройки. Пошли тесты – на повреждение корпуса, на опрокидывание. Какой-то из тестов не прошёл, модель остановилась, снова сняли обшивку.

– Вот так и выглядит наша работа. Наш брейн-конвейер – самый большой в Евразии. Второй конвейер такой мощности находится в Сан-Франциско. Сейчас вы видите процесс сборки проекта супертанкера – но обычно мы не занимаемся машинами. Такие сверхмощные конвейеры не используются для простых потребительских задач – мы работаем в основном по проблемам Академии наук, Союза писателей, Союза кинематографистов. Их проблемы структурируются и передаются нам для решения. И потому у каждого из нас всегда интересная творческая работа. Это ведь очень интересно – думать и находить решения. Нет ничего интереснее, чем творить.

А вот до революции здесь тоже был конвейер, но разбитый на небольшие подразделения. Нам рассказывали наши наставники, которые здесь тогда работали. Рабочие на этом заводе тогда занимались всякой ерундой – например, проектировали гаджеты для подростков. Бесконечные линейки гаджетов и прочих вещей. Причём делали их нарочно хуже, чем могли: не такими, чтобы сразу устроили обладателя – а наоборот, с недостатками, чтобы был стимул покупать новые и новые. Вот представьте себе: здесь

стояли индивидуальные боксы, бесконечными рядами. В каждом из боксов находились голопроектор, тач-зона, пара С-мониторов – и измученный конвейером рабочий. Конвейер тогда использовался как средство выжимания всех умственных соков из рабочего. Это было крайне неприятно – думать по чужой воле. Шаг влево, шаг вправо – уже нельзя. А ещё никто никому не помогал – иначе не справишься со своими задачами. Все были разобщены. Рабочие уставали, им очень не нравилось, что заняты они в общем-то бесполезными вещами. А капитализм требовал всё новых и новых моделей бесполезных вещей. Человек не может съесть больше, чем может – но капиталисты внушали людям, что им для счастья нужно обладание новыми моделями вещей. Внушали суггестивной рекламой, внушали методами социальной инженерии, внушали квазирелигиозными технологиями потребления. Даже образование учило быть потребителем. И ещё держали цены так, чтобы все были вынуждены постоянно работать. Представляете себе – чтобы иметь свой дом, нужно было работать почти всю жизнь! Хотя домов легко можно было бы построить всем. И вот рабочие трудились безо всякого интереса, только ради денег – а «начальники» контролировали конвейер, следили, чтобы все работали хорошо. Знаете, что такое «начальник»?

– Вы нас совсем за детей держите, – с ядовитой вежливостью заметил юнец-космонавт.

А оторва всё строила мне глазки – сквозь синюю чёлку. Я немного смутился – и опять мне попались на глаза её гладкие ноги. Тьфу ты, ну что она, в самом деле?! Может, её всё же заинтересовал не я, а мой рассказ о заводе?

– А сейчас, если нам повезёт, мы с вами увидим наших ведущих специалистов за работой. Это наши наставники, наши корифеи. Боги конвейерного мышления. Громовержцы, разящие идеями.

Мы заглянули в вестибюль. Громовержцы были по-прежнему там. Зевс-Громовержец покосился в нашу сторону – и убрал с подоконника исполинские ноги в синих носках.

Я понизил голос:

– Вот они тут ещё до революции работали, причём Рамеш Субраманьянович был «начальником» Виктора Петровича. Это сейчас они хорошие друзья, а тогда Виктор Петрович недолголюбивал и побаивался Рамеша Субраманьяновича. «Начальников» не любили, между ними и рабочими была пропасть.

Мы вернулись к лифту.

– У человечества всегда есть множество нерешённых задач, посложнее и попроще. Так что работы хватит всем – творческой и интересной. А сейчас пойдёмте, посмотрим непосредственно работу на конвейере. И попробуем все вместе решить на конвейере какую-нибудь настоящую проблему. Вы увидите, как это увлекательно, всем вместе навалиться на задачу. Это удивительное чувство – когда умы объединяются. Многим из вас захочется у нас работать, обещаю.

И тут синесветящаяся-патлатая оторва отколола номер.

– Скучотища это ваше конвейерное мышление, – вдруг заявила она ангельским мелодичным голосом. – Зачем мне это? Лично я – мечтаю стать проституткой.

Она снова засияла на меня ангельскими синими глазами. И влажно облизнула губы.

Я от неожиданности захлопал ресницами и опять упёрся взглядом в её длинные ноги.

Ох, давно я так не краснел!

Все неловко поёжились.

– Смирнова, переигрываешь! Ну что за эпатаж! – закатила к небу глаза завуч. Было видно, что синеволосяя оторва давно сидит у неё в печёнках. Но и завуч, выдавшая виды тётка, явно растерялась.

– Какой эпатаж? – удивилась оторва Смирнова. – У нас ведь свобода. Правда? Занимайся, чем хочешь, все работы хороши, выбирай на вкус. Я вот хочу заниматься древней и уважаемой профессией, оказывать услуги мужчинам. Они пялятся на мои ноги, как этот ваш рабочий парень Слава, хотят меня трахнуть? Отлично, я тоже этого хочу – это правда жизни. Только я очень красивая – и потому хочу быть с сильными, добившимися всего мужчинами – богатыми, властными, у чьих ног мир. Хочу веселиться с ними на яхтах, хочу участвовать в групповухах – при моей красоте это было бы легко. Я бы могла добиться многого, стать первой проституткой в космосе – на космической яхте, в невесомости...

Я совершенно растерялся. Надо же, экая бледная поганочка... Что вообще сейчас в школах творится?!

Завуч поправила причёску.

– Смирнова, хватит нести чушь и срывать урок. Проституция недопустима, как форма эксплуатации.

Я спохватился. Это всё тяжёлое наследие капитализма. А у синеволосяй оторвы, очевидно, случилась истерика. Переходный возраст, подростковый максимализм, испорченные отношения с одноклассниками... С другой стороны,

никакой истерики, никакого надрыва я не наблюдал – напротив, Смирнова говорила весело и с явным удовольствием. Патлы её светились ярко-синим, и глаза были синие-синие, блестящие, как божья роса.

– Смирнова, есть такая вещь, как пощёчина, – солидно пробасил белобрысый юнец-космонавт. – Она, говорят, хорошо приводит в чувство.

Он был очень решителен; прыщи и корни волос его налились багровым.

– Вера Семёновна, может, вывести её вон? – деловито предложил третий юнец-космонавт, доселе молчавший.

Смирнова залилась колокольчиком, показав ровные белые зубки.

– Эх вы, комсомольчики-космонавтики... Вы тряндите о свободе – а сами всё запрещаете. А я вот ненавижу ..., – тут она звучно произнесла матерное слово, означающее «ложь», – и несвободу. Проституткой по мне быть гораздо честнее.

Она стояла одна – против всего класса, против педагога, против меня. Все галдели.

Надо было что-то делать.

– Ну матом-то зачем ругаться, Смирнова?..

– Ах, а вы матом не ругаетесь?! А мои нежные ушки говорят об обратном. Только и слышу эти словечки время от времени. Что же это за язык такой – все на нём разговаривают, а другим запрещают?

Надо было что-то делать. Отвести её в медпункт?

Безобразный скандал нарастал. И не знаю, чем бы всё это закончилось – но тут явился Зевс-Громовержец. Видимо, его оторвал от работы шум.

Школьники мгновенно притихли: Зевс-Громовержец подавляет ростом, необъятностью и величием. Представьте себе восставшую статую Фидия, ростом под потолок, притом в современной одежде. Из рукавов и из расстёгнутого ворота его рубашки пробивается буйный волос. Волос карабкается по шее и щекам, заканчиваясь ровной линией. Выше линии растительности находятся пронзительные глаза, опять же под могучими зарослями бровей. Притом смотрят эти глаза на вас очень скептически. Ещё выше простирается великолепный лоб, а заканчивается всё опять же непроходимыми зарослями, слегка усмирёнными машинкой для стрижки.

«Ну вот, допрыгались», – подумал я.

Уши мои медленно разгорались. Как ни крути – а получается, я завалил дело. Не справился, раз явился Зевс-Громовержец и будет разруливать вместо меня.

А ещё мне стало интересно, что же он сделает. Чисто профессионально интересно. Ведь решать проблемы – наша работа, а Зевс-Громовержец способен решить любую проблему. В том числе и такую, в этом нет никаких сомнений. Так что он сделает?! Задавит Q-логикой? Вряд ли на такую поганочку способна подействовать любая логика... Загонит в конвейер и она со слезами раскаяния прозреет?

Зевс-Громовержец несколько секунд, в упор, рассматривал синеволосяную оторву. Скептически. И померещилось мне, почему-то, в его взгляде некое одобрение.

– Кисо, – пророкотал он. – В связи с отменой денег нет больше профессии проститутки. Физически невозможно – как профессия изготовителя кремнёвых топоров. Как хобби – пожалуйста. А профессию тебе придётся выбрать другую.

Смирнова пожалала плечиками и выставила загорелое бедро в сторону Зевса-Громовержца:

– Хорошо, тогда я хочу быть порноактрисой. Можно? Это тоже отличная профессия, увлекательная и интересная. И всем очень нужная – и в дальнем космосе, и на тернистом пути к нему, – Смирнова приветливо кивнула одноклассникам-космонавтам.

– Смирнова, не хаами!..

– А что, не нравится? Это же правда жизни.

Зевс-Громовержец на загорелое бедро внимания не обратил. Он по-прежнему одобрительно изучал её светящиеся синие патлы. Вообще бедром Зевса-Громовержца едва ли можно поразить; кто видел его Светлану Игоревну, тот поймёт. Вот уж не чета всяким поганочкам-восьмиклассницам...

– К сожалению, и здесь тебе ничего не светит. Бывают, конечно, одинокие люди – но накопленного при капитализме им хватит с избытком. Я последний раз интересовался этой темой, когда мне было шестнадцать лет, задолго до революции. Но уже тогда 3D-модели выглядели гораздо интереснее актрисок. Любые внешности и формы, любые причуды. Никаких прыщей, могли даже побеседовать, благо тут особого интеллекта не нужно. Так что увы – профессия порноактрисы умерла ещё тогда. А ты говоришь – «правда жизни»...

Ну даёт Дед! Я не верил ушам.

– Много вы знаете о правде жизни, – сладенько пропела Смирнова. – Ханжи-теоретики из уютного кабинетика.

Зевс-Громовержец приподнял ручищу. Как фокусник, застучал рукав. На его предплечье, там, где буйные заросли

шли на убыль, открылась голотату: колючая проволока впиалась в руку и переливалась надпись «Ганс2016».

Голотату! У Зевса-Громовержца! Мысленно я сполз по стене.

– «Ганс2016» – это мой воровской ник, – величественно пояснил он. – Был я в молодости вором, сидел в тюрьме – так что кое-что о правде жизни знаю. Такие дела, молодёжь.

Был вором? Сидел?! Зевс-Громовержец?! Я пару раз ударился головой о мысленную стену – ту самую, по которой только что мысленно сползал.

А Смирнова развернулась и удалилась. Молча, задрвав носик, походкой манекенщицы. Её причёска пёрышками ярко светилась в полумраке коридора.

Все смотрели ей вслед. Я пригладил затылок.

– Актриса... – проворчала завуч. – Давно по ней педсовет плачет. Но ведь, что характерно – все поверили.

Актриса?!

Вор?!

Где я?!

– А Вы и вправду воровали вещи? – испуганно спросила Зевса-Громовержца миниатюрная девчушка. У девчушки были пытливые зелёные глаза, острый лисий носик, а копна волос отливала зелёным, как её комбинезончик.

Зевс-Громовержец величественно расправил рукав.

– Мы тягали жабу. Жабой на воровской лангве называлась интеллектуальная собственность. Знаете, что это такое? Это когда кто-то объявлял информацию принадлежащей себе – и ему должны были платить деньги за её использование. Например, если в вещь-модели или алгоритме использовалась теорема Пифагора – надо было выполнять отчисления в пифагоровский фонд. Всё – математические теоремы, научные гипотезы, вещь-модели, мемы, анекдоты, изобретения, сюжеты, книги, фильмы – всё имело своего владельца. Которому надо было платить за их использование. Глупое было время. А мы жабу тягали – и освобождали.

– Ну да, «гадкие утята»... Я просто подумала, Вы были настоящим вором...

– Не настолько я древний... – проворчал Зевс-Громовержец. – Но те девять лет, которые мне впаяли, были вполне себе настоящими. Мой арест даже в новостях показывали. И потом: мы сами искренне считали себя настоящими.

Он развернулся – неторопливо, как трансатлантический паром.

– Пойдёмте, молодёжь, попробуем работу на конвейере. Это и вправду дьявольски интересно.

Все двинулись следом. А я поплёлся позади. Чтобы выражение моего лица не всполошило кого-нибудь случайно.

КАК Я РОДИЛСЯ

Павел Хренов

Михалыч помер весной 61-го года. Вроде, особо не болел, и — на тебе. Он, впрочем, давно жаловался на сердце. А еще, года за полтора до этого, говорит мне как-то: вот, мол, у меня в Светлом сестра живет, как помру, снесешь ей письмо, адрес на конверте. Я еще посмеялся тогда, дескать, меня еще переживешь. А вообще он сестру, как и прочих родных, никогда не упоминал ни до, ни после. То ли прощения просит в письме, то ли сам прощает, подумал я, но спрашивать не решился — дело серьезное. Он же мог сам пообщаться с легкостью, при современных-то средствах связи.

Ну, да ладно: помер он внезапно, даже скорую вызвать не успели. Схоронили по старинке, как у нас принято, я сам тоже копал. И все вечера ждал, уж больно муторно было на душе. Пока что нельзя было расслабляться, социальщики понаехали: делали свое дело, вскрытие там, расспросы, заодно анализ взяли у всех. Нам особо не мешали.

Закопали и побрели, молча так, к Прыщу — он смылся с кладбища первый, поляну накрывать. Он жил в трапециевидной пристройке к теплотрассе, и у него можно было поместиться хоть вдесятером. Многие-то из наших, и я в том числе, жили прямо в теплотрассе, выпилив в ее деревянной боковине небольшие двери, на которые мы вешали старинные заржавленные замки. Места было мало, не разогнуться в полный рост, зато вытянуться горизонтально можно было без проблем, а главное — замерзнуть не грозило.

У Прыща быстренько разлили какое-то мутное пойло, и выпили. И начали вспоминать Михалыча. Хороший был человек, хотя и пил много. А вот, сколько лет ему было, никто не знал. Пожалуй, самый старожил был, из оставшихся. Вспоминаем, значит, даже посмеиваемся — много веселых моментов было связано с покойным, и тут вдруг — стук-стук. Несколько грубых мужских глоток гаркнуло: «Да!», и вошла наш социолог, или там социопсихолог, кто их разберет, Марина Евгеньевна. Я думал, они все уехали, ан нет. Стаканы прятать поздно. Впрочем, я сильно сомневаюсь, что социальщики не знают, у кого что есть, и кто, когда, и с кем пьет. И это при том, что

у нас в стране крепкий алкоголь запрещен. Для нас у них послабление, хотя, конечно, весьма небольшое.

Так вот, Марина Евгеньевна вошла и спросила:

— Поминаете?

Мы загалдели: да, хороший мужик был, присаживайтесь, сто грамм? Она под села, но пить, конечно, не стала. Прыщ сразу стал рассказывать одну из историй про Михалыча, а я задумался. Раньше, когда я перебрался на свалку — так по старинке назывался район мусороперерабатывающего комбината, она все время меня уговаривала вернуться к нормальной жизни. Водила по планетариям всяким, музеям и библиотекам, даже на космодром с ней летали. Я отшучивался и много философствовал. А потом, вдруг, замечаю, что она уже со мной почти не разговаривает, и даже почти и не смотрит. Может, думаю, обиделась. Я ж все давил, что дураки они все, и все их дела со вселенской точки зрения ничем не больше моих, и вообще, мы просто плесень, и скоро человечеству придет кирдык, и вообще, никакого смысла ни в чем нет.

Она, наверное, почувствовала, что я на нее смотрю, и подняла взгляд на меня, а я, как раз, стакан ко рту подносил. Так и застыл. Стыдно. Когда-то, говорят, не стыдно было, а сейчас стыдно. И еще мне стыдно было, что я ее как будто ревную.

Она и говорит, прямо так, и без тени улыбки:

— Денис, ты зачем пьешь?

Кто-то из мужиков аж поперхнулся, а Прыщ закричал:

— Правильно-правильно, повлияйте на него, Марина Евгеньевна, нам самим мало, а тут еще и этот паразит стаканами хлещет!

Ну, я тоже нашелся, говорю, мол, зубы болят, а спиртом поощешь — легче становится.

— Лучше в стоматологию сходи, полчаса делов-то, — сказала она и больше на меня не смотрела. Впрочем, она минут через пять поднялась и ушла. И я принял таки долгожданную дозу.

На следующий день мы так удачно опохмелились, что в памяти от него почти ничего не осталось, а весь третий день я провалился у себя в берлоге. Только Прыщ заглянул, прита-

шил пожать, звал на продолжение банкета, но я только махнул рукой. Голова раскалывалась, видеть никого не хотелось. У нас, в сущности, два состояния — пьяное веселье и стыд. У меня такие мысли с похмелья всегда — трезвый, так сказать, взгляд на себя.

Особенно тоскливо было, когда я ночью проснулся. И выспался вроде, и голова прошла, но страшно до жути, и если б меня настолько не ломало шевелиться, я бы пошёл к кому-нибудь из наших.

Но я все-таки уснул еще раз, до утра, и, пережив вязкие, незапоминающиеся кошмары, открыл глаза рано утром, после чего сказал себе:

— Хватит валяться!

И, медленно и осторожно, наученный горьким опытом, встал. Перекусил старым, сморщенным хлебом, пахнущим плесенью. Вчера почти совсем не ел, потому хлеб показался очень вкусным, а вода — сладковатой. Отыскал письмо Михалыча, вооружился водой от жажды, и, пошатываясь, отправился в путь.

Светлый находился с другой стороны от города, потому надо было с тремя пересадками. До города я добрался на паровозе-мусоровозе, который догнал меня и остановился, ожидая, пока я сяду. Они так запрограммированы, к нам же пассажирский транспорт не ходит. От сортировочной я добрался до метро, откуда выбрался спустя полтора часа. И успел увидеть удаляющийся автобус. Следующий рейс — через час. Ждать не хотелось, и я прикинул, что идти-то всего километров пять, а мне после долгого лежания даже останавливаться не хочется. И я рванул, бодренько так, аж сам себе удивился.

Иду, значит, и уже какие-то зачатки гармонии в душе наметились, настроение подниматься стало, и тут, немного впереди на дорогу вышла девушка. Я замедлил ход, не хотелось никому в поле зрения попадать. Но она шла довольно медленно, так что мне казалось, что я почти что стою на месте. Тогда я решил ее обогнать. Прибавил шаг. Поравнялся. Повернула она голову, посмотрела на меня и убила, так сказать. Не то, чтоб сильно красивая, но такая — живая какая-то. У меня состояние такое, уже не пьяный, но и не трезвый, а потому мне, наверное, почти любая на ее месте бы понравилась. Еще и весна на дворе. Сердце у меня застучало и я, наверное, покраснел. А потом, неожиданно для себя — я с девушками очень стеснительный, когда трезвый — сказал:

— Вам помочь?

Было видно, что сумка, висящая на плече, довольно тяжела.

— Помогите,— говорит.

Я взял сумку и пошел с ней рядом, чуть отстав.

— Где вы учитесь? — спросила она. По мне что, не видно, где я учусь? Я представил, какой от меня запах, вспомнив, как благоухал, например, Михалыч, выползая из конуры после недельного запоя. И отстал еще сильнее.

— Нигде,— говорю громко.— А вы где?

Она что-то ответила, я не запомнил, потому что у меня состояние такое стало — весеннее. А потом мы пришли и она забрала сумку, а я вдруг набрался смелости и спросил:

— Может. Мы с вами. Встретимся?

Голос у меня предательски дрожал и ломался. Она улыбнулась, опуская глаза, и сказала:

— Вы всерьез думаете, что я соглашусь?

Я осмелел и сказал:

— Я помоюсь. И побреюсь.

Сам улыбаюсь, но когда она посмотрела на меня, у меня аж рот перекошило. Я вообще своим лицом в минуты волнения управлять не могу.

— Этого мало,— говорит.— Вы сначала выберите со своего мусорозавода, или как там.

И пошла. Я догнал ее у калитки и говорю:

— Я выберусь!

Она посмотрела теперь серьезно:

— Вот и выбирайтесь. Года вам хватит, чтобы стать человеком?

И тут я по-дурости согласился:

— Хорошо, через год на этом месте!

— Договорились,— говорит.— Пока. Спасибо, что сумку донес.

Этот внезапный переход на «ты» меня сделал совершенно счастливым. Я проводил ее взглядом и почти побежал дальше. Внутри все бурлило — радостное возбуждение, сомнения, ревность, стыд, страх, чего там только не было.

Я отдал письмо и поехал на нашу сторону. Только не домой, а к Марине Евгеньевне. Она жила в небольшом домике на линии нашей теплотрассы, только она там под землей проходила. У нас ее тоже хотели под землю спрятать, но социальщики не дали. Ради нас. Устроили, блин, заповедник гоблинов.

Марина Евгеньевна вешала белье во дворе. Я подошел к заборчику и сказал:

— Здрасьте!

Она обернулась:

— Здравствуй, Денис.

Виду никакого не подает.

— Заходи,— говорит.

Я вошел и сел на крыльцо. И ведь не спрашивает, зачем пришел. Сейчас, говорит, чай будем пить, с вареньем. А я, поскольку серьезно разговаривать я совершенно не умею, и говорю:

— Сейчас есть машины, которые сами стирают, сушат, гладят и все такое. А есть одежда, которая вообще не пачкается.

Это я ее передразниваю — она раньше частенько рассказывала, что сейчас есть за механизмы, до чего человечество дошло, а мы, мол, как дикари живем.

— Надо что-то и руками делать иногда. И своими ногами изредка ходить.

Намекает, что ли, на мой сегодняшний поход. Иногда мне кажется, что она все про меня знает, про каждую минуту моей жизни, и даже мои переживания от нее не скрыты.

Она предложила борща, но я отказался — мне вообще ничего не хотелось. Кроме как прыгать. Или бежать в известную сторону галопом.

За чаем она сказала, что недавно разговаривала с Максом. Он сейчас на Марсе, программирует роботов. Стал хорошим специалистом. Спрашивал, говорит, про меня. Мы с ним не один литр в свое время выпили, пока он не ушел от нас. А теперь и вовсе на Землю нос не сует, года три не был.

— Хочешь с ним поговорить? — спросила Марина Евгеньевна. — Сейчас, вроде, связь с Марсом должна быть.

— Давайте,— говорю.

Она ушла в дом, а я стал вспоминать свою спутницу и бояться, что больше я ее не увижу, а еще я гадал, какое у нее имя. Ей все имена не подходили. Марина Евгеньевна вернулась, и сказала, что минут через двадцать можно будет пообщаться.

Пришла ее дочка со школы, тонкая девчонка-старшеклассница, и стала рассказывать, что изучали, и чему научили своих роботов. У меня тоже был робот, когда я учился, но, конечно, побольше и послабее. Мы своих тренировали в футбол играть, и еще много чего, менее интересного, а эти уже и в небо нацелились. Вот, говорит, если взять два реактивных микродвигателя, прикрепить друг напротив друга, вот так вот, то сил робота поднять у них не хватит. А если вот так, и использовать специальный алгоритм, то хватит. Я не поверил. Мы начали экспериментировать, но тут Марина Евгеньевна позвала меня в дом.

Макса я запомнил веселым парнем, а тут на меня смотрел серьезный взрослый мужик. Рад, говорит, тебя видеть. И улыбнулся. Прилетай, говорит, к нам. Шутит: на Марс просто так не попадешь.

В общем-то, говорить нам особо не о чем было, потому что интересы и проблемы у нас разные. Ты, говорю, не женился

еще? Нет, говорит. Опять тупик. Впрочем, тягостного молчания тоже не получилось, потому что Макс начал рассказывать про какие-то странные парадоксы, темпоральные взаимодействия, и все такое. Только я его не слушал, поэтому грубо перебил:

— Макс, как выбраться с помойки?

Он помолчал чуток, и говорит:

— Рад за тебя!

Рано, говорю, радоваться. А он говорит, что задницу страшно отрывать от печи, но зато, если оторвешь, обратно садиться ни за что не захочешь. Пусть ты целых тридцать лет сидел, не вставая. В общем, он ждет от меня вестей. Хороших.

На дворе робот уже болтался на сверхнизких высотах, периодически натываясь на разные препятствия, в том числе поверхность земли. Мы еще поговорили о недостатках нынешнего алгоритма, причем эта пигалица меня просто за пояс заткнула одной своей терминологией, а ведь у меня по робототехнике была неизменная пятерка! Потом Марина Евгеньевна загнала дочь обедать, а мне говорит:

— Что у тебя случилось?

Ну, я как на духу:

— Я встретил женщину своей мечты.

— Наконец-то,— говорит.— И что ты собираешься делать?

— Жениться,— говорю, и мне от этого слова аж сладко стало.— Еще: бриться, мыться, учиться. И все такое. Я сегодня обратил внимание, что в городе полно детей, и мне так захотелось, чтобы, вот, прихожу я домой, а там... или нет, сижу я на Марсе и звоню жене: как там младшенькая? А на старшего опять учительница жаловалась?

Опять я кривляюсь. Наверное, просто боюсь к себе серьезно относиться.

— Тебе сейчас главное — не запить,— сказала она,— у тебя такое состояние возбужденное. Давай тебя отправим на Новую Землю, в институт геологии? У меня там знакомый есть. Или куда хочешь?

— Давайте,— говорю,— на Новую.

Подальше, а то я буду бегать к ней под окна и смертельно надою, и еще надо подальше от родной свалки, где всегда так хочется выпить. Ну, и не только поэтому. Надо что-то делать, куда-то бежать.

И Марина Евгеньевна тут же связалась со своим знакомым, Степаном Степановичем, который на Новой Земле был далеко не последним человеком. Он меня спросил: кем хочу стать, что мне нравилось изучать в школе, и так далее.

— По робототехнике была пятерка, и русский с литературой я любил,— говорю.— Только сначала мне все легко давалось, а как перестало даваться, так я и перестал учиться. Скатился на двойки, потом вообще бросил.

Честно так признался. Ну, еще сказал, что камни красивые коллекционировал в свое время, манили они меня. Степан Степаныч сказал, что всех манили. И сказал:

— Приезжай, сделаем из тебя человека.

Потом я сходил в парикмахерскую, которая сказала мне добродушным голосом:

— Стричь и брить?

Я кивнул, и на стене стали появляться разные прически, а я ткнул во вторую или третью, где покороче. И тогда мою голову мягко обхватили манипуляторы, и дальше я чувствовал только, что мои волосы шевелятся на голове, как от маленьких струй теплого воздуха. Через пять минут я вышел и храбро направился в стоматологию. Там я провел не менее получаса, периодически чувствуя легкие уколы боли. Потом я приоделся. Переночевал у Марины Евгеньевны. Правда, совсем не спал. На свалку я больше не возвращался.

Утром я сам поехал в аэропорт. Иду в посадочное отделение, и думаю, радостно и тревожно, что осталось триста шестьдесят четыре дня. И тут она говорит:

— Тебя и не узнать.

И ведь слышал же я торопливые шаги сзади! Не обратил внимания.

— Как ты меня нашла? — спросил, а сам думаю, что, наверное, она случайно тут оказалась.

— Связалась с социальщиками,— говорит,— тебя оказалось легко найти.

И улыбается. Эх, все про меня все знают. Наверное, один я такой влюбленный баран во всем многомиллионном городе.

— Как тебя зовут-то? — спрашиваю. Теперь как бы и не страшно, мы уже как бы и повязаны. Вроде как суженные — это я, конечно, размечтался.

— Светлана,— говорит.

Точно. Я разные имена ей примеривал, а это, почему-то — нет.

— Я что сказать-то хотела,— говорит,— через год меня здесь не будет, я на практике буду, на Луне. Если все пойдет нормально.

— Ну, значит, встретимся на Луне,— говорю я, а сам удивляюсь своей наглости. Кто меня на Луну пустит?

Потом я ушел, а она, в свой черед, проводила меня взглядом.

В самолете толстый дядька рассказывал, что то, что раньше называлось самолетом, самолетом не являлось, потому как летало не само, а управляли им пилоты, а пароходы вот, действительно, использовали пар, но у них принцип движения был совсем не такой, как у современных межпланетных пароходов. Потом я уснул, и мне снились сны.

Меня никто не встречал. В здании управления мне сказали, что Степан Степаныч сейчас на берегу, как и всегда в это время в воскресенье. И указали направление. Я нашел его по шею в ледяной воде. То есть, там несколько голов торчало, и, видимо, одна из них была его. Меня всего трясло от этого вида, хотя я был тепло одет.

— Здравсьте,— закричал я,— Степан Степаныч тут?

— Тут! — закричала одна из голов: — Залазь!

Я помотал головой. Из палатки высунулась мокрая голова, с плечом и рукой, которой она призывно махала:

— Заходи!

Я зашел. Вдоль стен висела одежда, под ней стояла обувь, а из нее торчали шерстяные носки. За мной ввалилось сразу несколько человек в трусах.

— Здорово! — сказал Степан Степаныч, и протянул мне руку, от которой валил пар. Она было очень холодной.

— Раздевайся,— говорит.

— Да, как-то... страшно,— сказал я.— Я ни разу...

— Марина сказала, что ты настоящий мужик,— говорит.— В разведку с тобой можно, без вопросов.

Пришлось раздеться. Руки меня не слушались, но, в принципе, разоблачиться мне удалось. Я вышел босиком на лед, а сердце у меня так билось, что я боялся упасть в обморок. Я машинально стал спускаться по лесенке в прорубь, а вода была даже не холодной, а как-то своеобразно обжигала. Я вцепился в лестницу и окунулся с головой.

— Три раза надо,— сказал кто-то.

Три, так три, я и пять теперь могу. Но окунулся еще два раза и, не помню как, вылез из проруби. В палатке я завернулся в полотенце и мне протянули кружку с темным горячим чаем. И печенье.

— С днем рождения,— сказал Степан Степаныч, и еще раз пожал мне руку.

— У меня не сегодня,— сказал я, стуча зубами,— у меня лето.

— Не,— говорит,— ты не понял. Сегодня — от воды и духа.

И я понял. Про воду. И про дух, но это уже гораздо позже.

ПРОБА ГЕНРИ

Александр Погодаев

У лунной пыли особый запах – неживой. Не мертвый, нет – просто никогда живым и не бывший. Его ни с чем не спутать. В ангаре пахнет пылью. И холодно, очень холодно. Ладно, уже недолго: откроется шлюз, меня пристегнут к реактивной платформе, кто-то повернёт рубильник... Разгон-торможение...

И начнется Шоу! Как всегда... и каждый раз по-своему. И отыграю я, как обычно, с полной выкладкой. На пределе. Мне иначе нельзя. Жаль, в этот раз все помощники остались на Земле, больно уж билеты дороги, но местные спецы тоже неплохи, справляются. Разве что шлифовальщица работы больше, так ведь... им за то и платят.

Спутники увидят всё, в деталях и подробностях, записи уйдут на Землю, осядут в компьютерах Студии... ненадолго. Там их разобьют на байты, проверят каждый пиксель – и, как мозаику, соберут заново. Добавят резкость, улучшат звук, цвет, поработают с запахом, выбросят лишнее. Добавят комментарии экспертов, перевод на основные языки (опционально – любое наречие планеты, лишь бы словарь существовал), субтитры, рекламу. И появится очередная серия, вызовет привычно бурю – восторг и злоба, недоумение, попытки отыскать тайные мотивы, иски «за аморальность»... и, может быть, письма, благодарственные письма от людей, оставшихся в живых.

Шоу – всегда настоящее. Не игровой фильм, не компьютерная реконструкция. Я действительно рискую жизнью. Раз за разом... и выигрываю. Почти как те безбашенные парни, что прыгают с небоскребов, раскрывая парашют у самой земли. Почти... именно «почти». Они уникальны, я – нет. То, что делаю я – может каждый. Может лучше, чем я. Доказано.

Иван кивает. Хороший журналист, я помню его репортажи. Молчаливый, удивительно ненавязчивый человек – так и хочется рассказать ему всё. Наверное, он шпион. Русские на этом помешаны, я читал. Слежка у них – что-то вроде спорта, и ладно бы за преступниками... Дикость какая-то –

чем больше уважают человека, тем сильнее за ним надзор. Каждый шаг в Сеть транслируют, смотри кто хочет, разве что из ванной репортажи не ведутся. Так и называется – «народный контроль». Никакого уважения к человеческому достоинству. Иван объяснял, что это цена такая, за власть. Сперва выбирают, потом всей страной следят, чтоб не skurvilis'!... ну и где тут логика?

Даже странно, вроде на одном языке говорим, все слова понятны, а ощущение – будто с инопланетянином беседа. Как эта страна вообще не развалилась? Ведь от них люди бегут каждый день, в год – десятки тысяч, самые лучшие, предприимчивые, готовые конкурировать, любой ценой выгрызть свой кусок у жизни. Покупают билеты, и едут в Свободный Мир, куда угодно, лишь бы вырваться от тирании. А эти ... даже не пытаются их удержать. Не понимаю.

Сидим, проверяем снаряжение. Беседуем. «Почему не «Добрыня», не «Зевс»?». Хороший вопрос, да. Ответ простой, но не грех и повторить: я никогда не использую уникальное оборудование. Если в Шоу требуется нож, то это будет не эксклюзивный клинок из легированного титана, а стандартная штамповка, взятая в ближайшем супермаркете. Если спасательный набор, то не «любезно предоставленный фирмой», а анонимно купленный в Сети. Только так, и никак иначе. Я не ставлю рекорды, я просто объясняю людям, что могут они немножко больше, чем привыкли считать. Потому и «Пескарь» – он тут самый массовый скафандр...

В принципе, ничего такого запредельно-сложного в замысле нет. Двести миль, пешком, в простом скафандре, с обычным аварийным набором... Точку высадки я не знаю, компьютер выберет случайным образом – хорошая модель несчастного случая. Всего-то – выжить и добраться до людей, самостоятельно. Испытатели такие маршруты ходили, другое дело, что то были испытатели. Тренированные парни, элита, лучшее, что есть у Человечества. У меня не так, я человек обычный. И спасти никто не станет,

права не имеют: «Клуб самоубийц» организация мощная, зря, что ли много лет туда взносы плачу? Каждый человек на смерть право имеет, кто посмеет вмешаться – исками разорят. Всё должно быть по настоящему, ведь если справился я, больной и старый, то любой, кто окажется в беде... ему сдаться просто стыдно будет. В этом весь смысл.

Иван кивает. Странно... кажется, он понимает меня лучше, чем я сам. Молчит, не предлагает познакомиться с хорошим специалистом, как делают обычно те, кому рассказываю историю своего безумия. Да, безумия, себе-то врать зачем? Я ведь и впрямь ненормальный. Могу даже проследить, вспомнить, как сходил с ума, шаг за шагом. Начиная с приговора: «Ходить сможешь, бегать – нет» до холодного, безжалостного анализа профессионала-спасателя, разбиравшего наши ошибки... я читал в Сети. Три способа, простых, надежных... могли выбраться сами, не дожидаясь, пока улучшится погода и прилетит вертолет. Мы не знали!

Потом... потом была книга, истории про древних мореплавателей. О глупых, нелепых смертях, не от штормов, не в боях с туземцами. От жажды. Воды просто не было. Посреди океана, на деревянных кораблях, умирали страшно. Они не знали, что пресную воду можно делать самим.

И... я вдруг понял – ничего не изменилось. В наше время, точно так же, очень часто люди гибнут потому, что не знают о возможности спастись. Или – не веря в неё. Кинотрюки ведь совсем не «школа жизни», умения каскадёра или электронного дублёра не по силам обычному человеку, и не зря пишут мелким шрифтом: «Не пытайтесь повторить». И не пытаются. И ничего тут не поделают...

Всё просто – люди не хотят думать о плохом. И не думают. Пока не станет слишком поздно, уж я-то знаю, по себе. Это и стало «точкой срыва». Простой вопрос: что могу сделать я? И как я могу это сделать? Если нет ни таланта, ни денег, ни красоты. И власти тоже нет. Что может сделать калека? Одиночка – ведь не поможет никто...

Кто-то сравнивает озарение со вспышкой. Ко мне оно пришло холодным лязгом автоматного затвора – смерть интересна всегда! Поставь на карту жизнь, и тебя коснется равнодушно-любопытный взгляд. Сумеешь выжить... что ж, зритель запомнит, как ты это сделал. «Прикинет на себя» и поймет, что тоже может так. Ничего сложного, жизнь за жизнь. Остальное было просто...

Забавно: что моё Шоу, что этот русский Союз – они ровесники. Двадцать пятый год вообще был бурный, колесницу Истории в очередной раз занесло на повороте, казалось,

ещё чуть-чуть... как обычно в эпоху перемен. Будь чуть поспокойнее, и ничего бы не вышло, ни у меня, ни в России... нашлось бы кому помешать. Ха! Спокойно не было. Мир бурлил, кипел, балансировал на грани взрыва.

Китайцы развязали «Адвокатскую Войну», миллионами безумных, но абсолютно законных исков парализовав судебную систему США, «бриллиантовый предатель» Грей из лабораторий De Beers добавил хаоса, опубликовав в Сети простой и дешевый метод синтеза алмазов, Канада вывела на орбиту группировку «зеркальных» спутников, наглядно показав всем желающим, что драться и переплачивать за нефть теперь совсем необязательно. Воспользовавшись тем, что никому они в данный момент не интересны, хитрые русские деловито перерезали своих *vogov* и начали в очередной раз строить Новый Мир, игнорируя крики в ООН что «младенца надо придушить в колыбели, а то ведь в этот раз у них всё получится».

А я... я впервые бултыхнулся в море, даже плавать толком не умея, в очках, трусах и спасательном жилете. Всё прошло по плану – что опреснитель, что отпугиватель акул работали превосходно, есть хотелось несильно, и через одиннадцать дней я самостоятельно доплыл до Флориды. С тех пор так и продолжается: я пытаюсь сломать себе шею, зрители с интересом ждут, когда мне это наконец удастся, фирмы, производящие спасательное оборудование, так и пишут в рекламе – «проверенно Генри». Ничего особого, каждый может повторить...

И повторяют. Пассажиры с «Белой Ленты», три дня дожидавшиеся помощи, пока не утих шторм (мы связали жилеты в один плот, и никто не потерялся), русские шахтёры, самостоятельно откопавшиеся из-под завала (некогда нам под землей сидеть, водки всё равно нет и медведи дома не кормлены), аризонская старушка, что «добрым словом и револьвером» навела порядок среди туристов в горящем Хилтоне... они сутки просидели в противогазах, дожидаясь спасателей, семнадцать человек в роскошном бассейне на двадцатом этаже (я смотрела «Большой Пожар», я знала что делать).

Сотни жизней – все эти люди знали, что делать. Знали – да, реально. Был пример. Думаю, на весах, куда мы все когда-нибудь попадем, эти жизни... Надеюсь...

Теперь вот Луна. Слишком много тут людей, а закон больших чисел никто не отменял. Рано или поздно, но обязательно случится что-то. Людям нужен шаблон. Знание, уверенность: если смог Генри, смогу и я. А я смогу, ещё не было случая, чтобы я не вернулся.

– Знакомая фраза, – смеется Иван.
– Это Колумб. Он так говорил кредиторам, когда снаряжал каравеллы.
– Нет, не Колумб. Другой человек, ты его не знаешь. Но ты вернешься. На Марсе тоже люди есть, как им без примера?
Смеёмся. Да, на Марс мне тоже хочется. Может, и... А почему нет? Ну что я, двести миль не пройду? Мелочи какие!
Всё, пора, время не ждет. Скафандр, оптимистичная улыбка в телекамеру, закрыть шлем, шлюз, платформа, обратный отсчет... Не могу сосредоточиться, больно уж задела последняя фраза:
«Знаешь, в этих твоих Шоу были моменты, когда ты не имел права выжить. Чудом выкарабкался. И... никто

не пытался помочь. Запрет, иски... это ведь так удобно – разрешение смотреть, как гибнет человек, и не спасать. Знаешь, «Проба Генри» – это ведь не техники проверка, она давно уже надежнее людей. Ты людей проверяешь. А люди её не прошли ни разу»

Да, фраза задела больно. Но чего он ждал? Люди всегда такие были, Природу не обманешь. Странный он. Ну ладно я, так давно с ума сошел, все знают, кто бы спорил. А эти... Неужто они там все такие? Так не бывает!

А в ушах то набатом, то шепотом звенят прощальные слова:

«Не знаю, как там с Марсом будет, но с Луны ты вернешься. Гарантирую.»

СНЫ О МАРСЕ

Игорь Николаев

Обычно считается, что Марс – это место где очень-очень холодно. Отчасти это так, но не всегда и не везде. Оптимальное место для закладки марсианской базы – 30–32 градуса южной широты и 297–305 градусов стандартной долготы, в самой низине равнины Эллада. Это дает с одной стороны, летние дневные плюсовые температуры из-за близости к экватору, а с другой стороны – меньший перепад между дневными и ночными температурами. Кроме того, там наибольшее атмосферное давление на поверхности планеты. В плотной куртке и кислородной маске человек способен летним днём бежать без скафандра две-три минуты...

Шаг, вдох... Шаг, выдох... Ноги работают как гидравлические приводы – ровно, в едином ритме, не зная сбоя. Вдох-выдох, правая нога, левая нога. Если бы не маска и привычная тяжесть баллонов за плечами – можно закрыть глаза и представить, что ты на Земле. Километр до ближайшей метеорологической станции, столько же обратно – два километра быстрого бега, временами переходящего в трусцу. Спорт, тренировка выносливости, мерило собственной силы.

А еще – критически важная процедура, без которой на Землю вернется полубезумный инвалид. Марсианские 0,38 «g» являются околочитическим значением силы тяготения для человека, близ этой точки, в зависимости от индивидуальной физиологии, начинается перестройка организма с вымыванием из костных тканей кальция. Физические нагрузки – первый форпост, защищающий организм от «синдрома мягких костей». Поэтому на Красной Планете бегают все. Говорят, первые марсопроходцы совершали пробежки даже без легких скафандров, в одних масках, надев плотные куртки и хорошо намазав лица гелем – чтобы не растрескалась кожа. Ведь летом на равнине Эллады можно вскипятить воду при плюс десяти по Цельсию, а температура человеческого тела гораздо выше. Наверное, обычные байки. Там где смерть поджидает за каждым углом, прячась даже в самой крошечной неисправности – нет места пижонству и бессмысленным

вызовам. Человек и так найдет, где можно рискнуть жизнью с пользой и практической отдачей.

Поэтому – легкий скафандр, глухая маска и дыхательный блок за плечами – основной запас и аварийная кислородная батарея на крайний случай. И только добежав до крайней точки дистанции можно позволить себе роскошь на несколько мгновений приподнять забрало, чтобы ощутить дыхание чужой планеты. Обжигающе-раскаленное и одновременно морозно-могильное – непередаваемая комбинация, складывающаяся из химического состава, атмосферного давления и температуры. Тот, кого хоть раз коснулся Марс – никогда не забудет этого...

– Подъем, Сережа.

Марс всегда остается с тобой. Даже если ты никогда не ступал на его поверхность, даже если ты никогда не покидал Землю. Даже во сне...

Сергей Борисов, младший метеоролог станции «Восток», просыпался медленно, часть его сознания продолжала мерить шагами поверхность Эллады, не желая отрываться от почвы, высушенной миллионами безводных лет. Другая же – постепенно возвращалась в реальность, неприглядную и очень невеселую. Ту, в которой два полярника оказались заперты на нескольких квадратных метрах вездехода, посреди антарктической пустыни. В самом сердце «Черной Бури».

Сергей окончательно пришел в себя. Присел на откидной лавке-топчане, протер лицо шершавой ладонью, словно стараясь стереть покрывало сна. Загрубевшая обветренная кожа неприятно царапала щеки, даже через колкую щетину. Борисов поежился – во сне температура тела снижается, зябкий холодок просочился сквозь одежду и термобелье. Говорят, Амундсену принадлежат слова «Можно привыкнуть ко всему, кроме холода». Истина или апокриф – неважно, легендарный исследователь был прав. Можно привыкнуть ко всему, забить любую непри-

ятность работой, привычкой или обычной злостью. Но холод – как любовь всей жизни, всегда является в новом обличье, не позволяя забыть о себе ни на мгновение.

Забавно, подумал Сергей, две тысячи шестьдесят первый год... Люди покончили с реставрацией капитализма, освоили Луну, заключили термоядерный ад в ловушку магнитного поля и совершают физкультурные пробежки по Марсу. Но холод – самый древний враг – по-прежнему собирает свою жатву, пусть и не в пример меньшую чем когда-то. Скоро он доберется и до них.

Не зря говорят, что толстенные тома по технике безопасности написаны кровью тех, кто их нарушал. Идея изначально была безумная – отправиться на легкой двухместной «Многоножке» почти за пятьдесят километров от антарктического «Востока», в самое сердце нарождавшейся «Черной Бури». «Буря» – не просто «ветер» и даже не «ураган». Это наследие ломки планетарного климата – карликовый, можно сказать микроскопический циклон, формирующийся за считанные часы. Он крайне опасен сам по себе, силой и непредсказуемостью, но в придачу еще и искажает электромагнитные волны, напрочь сбивая сигналы радио и навигационных маяков. Быть застигнутым такой напастью – скверно даже для солидной, многотонной «Харьковчанки». А для маленького вездехода, созданного, чтобы быстро объезжать форпосты и автоматические метеостанции – смерти подобно.

Но бывают моменты, когда на карту ставится слишком много, и приходится решительным жестом отодвигать в сторону любые инструкции. Они могли бы успеть, в самый край, буквально проскочив под носом у раскручивавшейся «Бури».

Не успели.

– С добрым утром, – сказал Сергей спутнику, механику-водителю Владимиру Вандышеву. Тот кивнул.

Полярники избегали лишних слов. Усталость и холод впились в их тела, вымораживая мысли, отупляя разум, отзываясь тупой болью в суставах и ломотой в костях. Сергей бросил взгляд на маленькое зеркальце под низким потолком. Все то же самое – оба они были почти неразличимы – одинаковые бороды, слегка припушенные инеем, глубоко запавшие глаза. И не сказать, что мехводу уже под пятьдесят, а метеорологу нет и тридцати.

Где-то в глубине души билась неотрывная мысль, острая и поганая, как заржавленная иголка – «Ведь я мог отказаться... И через месяц уже был бы дома, а через полгода – отправился бы на Элладу...». Вандышев внимательно

посмотрел ему в лицо, словно мог прочесть мысли, даже самые потаенные, и метеоролог устыдился. Конечно, мог бы. Но не стал. Так же как человек может с легкостью шагнуть в пропасть, но никогда не сделает этого шага.

Они не могли не отправиться в путь, даже сознавая весь риск, по-настоящему смертельный. Опытная биологическая станция на орбите отстрелила автоматический зонд с образцами растений, выращенными в условиях невесомости. Плод почти десяти лет невыносимых усилий, тысяч экспериментов и сотен тысяч неудачных серий – образцы, способные совершить вторую «зеленую революцию» и навсегда избавить мир от голода. Но произошла ничтожная ошибка, крошечный сбой – и капсула спустилась не в расчетном районе, а далеко в Антарктике, в сердце нарождающегося микро-циклона. Будь это обычный ураган – да и черт с ним, достали бы потом, даже из-под многометрового снежно-ледяного завала. Броня и пеленгатор капсулы способны устоять против любого природного катаклизма.

Почти любого.

«Черная буря» вполне могла «пережечь» радиомаяк, примерно с вероятностью пятьдесят на пятьдесят, и тогда драгоценный груз уже никогда не найти. Конечно, результат можно воспроизвести, но генетика невесомости – слишком сложная наука, граничащая с искусством и простым везением. Может быть удастся, может быть – нет. Может быть, чтобы получить новые растения, пригодные для размножения, придется потратить еще десять лет. А решение продовольственной проблемы не ждет – слишком тяжело далась победа в последних конфликтах, сотрясавших мир менее полувека назад.

Они рискнули, потому что не могли не рискнуть, при молчаливом согласии начальника станции, и почти выиграли у судьбы и природы – капсула была найдена. Она стояла посреди тесного жилого отсека «Многоножки» – здоровенный кубический ящик, оставшийся после сброса тепловых экранов, парашютной системы и амортизаторов. Но обратно уже не успели. Налетевшая стихия полностью отрубилась связь и навигацию, закрутила компас и превратила вездеход в беспомощную скорлупку, вздрагивающую под ударами ветра и снежных демонов. Время шло, закончилось топливо, иссякал запас аккумулятора. Еще несколько часов – и лютей антарктический холод запустит щупальца под металлопластиковую обшивку, нащупывая человеческие тела, жадно высасывая из них тепло и жизнь.

– Пора решать, – произнес механик. – Пора.

Метеоролог кивнул. Оба они избегали смотреть на капсулу. – С «Востока» не пробьются, самолет с Большой Земли сдует к черту, – сказал Вандышев и закашлялся, прикрывая рот рукой в толстой перчатке. Воздух на самом южном континенте Земли невероятно сухой, он обезвоживает и дерет глотку как раскаленное марево самой жаркой пустыни. – Баллистический на Плесецке уже наверняка готов, может быть даже стартовали, но без точной радиопривязки у них будет погрешность до пяти километров. У них экранированная аппаратура, нас рано или поздно найдут. Но...

Он умолк и посмотрел на глухой борт с задраенным иллиминатором, за которым бесновалась и выла свирепая буря, раскачивая и сотрясая вездеход.

– Скорее поздно. Опоздают... – закончил за него Сергей, тоже кашлянув. Каждый вдох словно шуршал по носоглотке невидимым ежиком, царапая слизистую. – Почти наверняка опоздают.

– Такое дело, – неуверенно вымолвил механик, устремив взгляд на серый куб с образцами. – В общем... Пора решать.

Он не закончил, молчал и метеоролог. Сбрасываемая капсула представляла собой защищенный сейф с многослойной теплоизоляцией, автономной батареей и подогревом. Если вскрыть ее, места хватит как раз на одного человека. Получится саркофаг с подогревом, который гарантированно сохранит чью-то жизнь. Конечно, придется вытащить все образцы, которые вымерзнут и погибнут.

Потенциально бесценная зелень и человеческая жизнь на разных чашах весов – что ценнее? При этом помощь может подоспеть в любой момент. А может быть продукт орбитальных лабораторий окажется бесполезен в плену вязкого земного притяжения.

Почему в жизни выбор всегда оказывается так сложен?..

Они молча сидели друг напротив друга, на скамейках-топчанах. Тихо гудел вентилятор, прогоняя сквозь решетку радиатора теплый воздух. В полутьме слабо светилась лампочка аварийного освещения. Скоро отопитель замолк, остался только светлячок лампы.

– Знаешь, я когда буржуйская Реставрация накрылась, работал сторожем на автостоянке, – вдруг заговорил механик, глядя на тлеющий огонек в клетке защитной сетки. – Удобств никаких, только будка из досок и лампа под потолком. И, помню, пошел страшный ливень. А работа такая – не отсидишься. Вымок до нитки. Так я о чем... – он помолчал, безмолвно шевеля губами. – Носки промокли,

я их на лампочке и сушил. Вот на такой же. И самое интересное – неплохо так сохли, только из черных почему то рыжими стали...

Выл буран, по стенкам что-то скрежетало, словно скребли ледяные когти скрытых во мгле чудовищ. Из-под потолка послышался тихий треск – углы подернулись белесой пленкой, словно паук начал плести снежные тенета.

– Рыжие носки, – проговорил метеоролог. – Наверное, красиво было.

Оба рассмеялись, тихо, чтобы не тревожить иссушенное горло и не тратить тепло.

– Полежу, а ты сам разберешься, – пробормотал Вандышев, укладываясь на скамье, подтягивая колени к подбородку. – Полежу... – повторил он еще тише и отвернулся к стене.

Борисов долго смотрел на его спину в темной куртке на меху. По мере того как уходила минута за минутой, он клонился вперед все сильнее и сильнее, сложив руки на груди, словно пряча огонек свечи. Наконец, он уперся лбом в прохладную гладкую стенку капсулы. Провел рукой по верхнему краю, словно подрагивающие пальцы могли ощутить тепло, надежно спрятанное изоляторами внутри кубического ящика.

Все-таки самая страшная битва – это та, которую приходится вести с самим собой, подумал молодой метеоролог. Так легко ощутить в поражении сладкий привкус победы, так легко уступить железным доводам рассудка... И самое страшное то, что слабость действительно вполне может обернуться холодным рассудочным поступком, самым лучшим, самым верным.

– Да, надо полежать, – повторил он вслед за механиком, и добавил. – Подождем баллистический...

Потолок полностью выбелило инеем, каждый выдох осаждался снежными кристалликами на жестких бородах. Вой за тонкими стенками немного стих, если очень внимательно прислушаться, в надрывном стоне бури можно было расслышать человеческие голоса, но, скорее всего, это был лишь обман слуха.

Шаг, вдох... Шаг, выдох... Ноги работают как гидравлические приводы – ровно, в едином ритме, не знаящем сбоев. Вдох-выдох, правая нога, левая нога. Если бы не маска и привычная тяжесть баллонов за плечами – можно закрыть глаза и представить, что ты на Земле.

Сергей спал и видел сны о Марсе...

КУРЬЕР

Иван Роу

*Солнце, ослепительно страшное,
Ты насмерть поразило б меня,
Если бы во мне самом не было такого же солнца.
Уитмен.*

Мальчик на побегушках**04.09.31**

– Свежее мясо! Отличное свежее мясо! – так и начинается моё утро. Каждый день, кроме пятницы.

– Люхум аттазиджа! – прямо под окном, двумя этажами ниже. Ещё одна издержка Двадцатого округа – как и абorigены, смотрящие на тебя с таким удивлением, словно по их улицам идёт белый медведь.

•••

ESA, в которую я так и не поступил, сделала мне ручкой минимум на год, так что оставаться в Париже будет просто не на что. Можно вернуться в Беринген, туда репатриировались мои родители, когда в России начиналось, только о возвращении не хотелось даже думать. С тоской и чёрной завистью обновляя список принятых на планшете, я слушал, как мой сосед по комнате празднует поступление с ещё несколькими хмырями. Один из них, горбоносый и худощавый, подошёл и ко мне.

– Мигель, ронин-профи – кто такой ронин, я не знал, но отрекомендовался в ответ.

– Курт. Всё завалил.

– Ага. Видишь меня в этом списке? – наклонившись над планшетом копной сальных чёрных волос, Мигель бесцеремонно ткнул пальцем в экран

–???

– Я тоже не вижу. Четвёртый раз не нахожу, и в пятый не найду. Так что и ты прими это проще.

– ...

Наверное, в тот момент я напоминал телёнка, который остался один в чистом поле. Глядя на мою кислую физио-

номию, Мигель буквально запихнул меня за стол к своим приятелям и всучил бутылку «Кроненбурга»...

•••

Очнулся я от того, что меня бесцеремонно окатили водой. Тело ныло так, как будто меня завязали в узел на пару суток. Откуда-то с улицы доносился запах тухлятины. Я перевернулся на спину: перед глазами расплывалось кровавое пятно – впрочем, это оказался всего лишь японский флаг, прибитый к потолку.

– Остался от прежних жильцов – пояснил Мигель.

– ... – Промывав что-то невнятное, я сел, привалившись к засаленной стене.

– Правильно понял, у тебя ещё всё впереди. Слушай, comrade, я так понимаю, к мамочке под крылышко тебе неохота?

Я сумел кивнуть в знак согласия.

– Вот что, живи у меня. За квартиру пополам будем платить, как сможешь. Пока в долг.

Утвердительно киваю ещё раз.

– Что здесь с работой? – пересохшее горло скрипело как несмазанная телега.

– Совсем penedejo? Тебе вчера говорили – устраиваешься курьером в любой магазин, и на еду тебе хватит. А там будет видно.

После скромного завтрака (чай из несвежего пакетика и чёрствый батон с маслом) Мигель лёг досыпать. А я – сел искать вакансии на высокую должность мальчика на побегушках...

•••

Через пару недель в Двадцатке я сносно торговался, а через пару месяцев – мог прочитать объявление и с горем пополам объяснить на дикой мешанине арабского и французского. Серая куртка, низко надвинутая кепка и рыжая щетина, превращавшаяся в бороду – так на меня перестали обращать внимание. То ли я стал походить

на какого-нибудь иранца, то просто не представлял интереса, как никчёмная деталь пейзажа. Меня устраивало и то, и другое.

•••

Вот я и на месте. Осталось отдать последний заказ и идти домой, благо здесь совсем недалеко. Четвёртый этаж, вторая дверь от лестницы, ноутбук и гарнитура Zelix. Получатель не указан.

Ассалямму `алейкум! – открывает мне дверь усатый араб.

Ва-алейкум – <Вот ваш заказ>

– <Заноси>

– <Распишитесь здесь и здесь. Дополнительное вознаграждение – на ваше усмотрение>

Над произношением работать не пробовал? – араб сказал это по-русски, протянув ладонь размером с лопату – Сан Саныч.

– К-курт.

– Да ты заходи, присаживайся. Чаю будешь?

За чаем я рассказал ему о своих нехитрых приключениях. Тот слушал, иногда спрашивая и кивая головой, как будто с чем-то сверяясь.

Когда я закончил, мой собеседник, решившись, взял быка за рога:

– Домой возвращаться собираешься?

– К родителям в Германию?

– Домой, в Союз.

– Что я буду там делать?

– А здесь ты что делаешь?

– Как видите, курьерствую. На еду хватает.

– Вот и будешь курьером. Красной чумой торговать. Вразнос.

В европейских новостях, официальных и не очень, советских журналистов так и называли, чумными крысами. Циничными, трусливыми и беспринципными догматиками, ненавидящими тех, кому незадорого наняты прислуживать. Мечтающими хоть тушкой, хоть чучелком, хоть индусом-уборщиком, но устроиться в русскую службу ВВС, к настоящим мастерам.

Весь вид моего собеседника настолько не вязался с этим образом, что я, не сдержавшись, приснул со смеху. Глядя на метаморфозы моего лица, расхохотался и Сан Саныч.

Отсмеявшись, он протянул мне визитку с надписью «Центр экстремальной журналистики», дав понять, что разговор окончен.

Свежее мясо

22.08.32

Аварийная сирена не просто воеет – она продирает до самых костей. От неё хочется бежать хоть на край света, не разбирая дороги. Её вой перекрывает только рёв старшины-инструктора, что желает нам доброго утра и анальных кар посредством ствола от КПС, если мы, упаси Боже, снова затормозим. Я выбегаю из казармы последним: остальное наше воинство уже построилось неровной шеренгой прямо во дворе: три отделения, по 11 человек в каждом. Учебная группа 3271, будущее русской военной журналистики, а пока – команда бабуинов, упоротые упыри и просто мясо. Свежее пушечное мясо.

Мы получаем на складе наши броники и автоматы: до огневой подготовки ещё недели три, так что нам выдают допотопные АК со снятыми бойками. Бежим в лес, к лыжной трассе: сегодня в утреннем меню пять километров по холмам и оврагам. Солнце начинает припекать, разгоняя туман: через полчаса в ЭСКАРПе будет жарко, словно в бане.

– Запевай!

*Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступаем!*

Сорока, сидевшая на ветке, срывается и улетает, испугавшись наших нестройных воплей.

*Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!*

Я подтягиваю, путаясь в словах. К концу песни мы как раз выходим на трассу. Из головы постепенно исчезают все мысли, остаётся только чувство ватных ног, да автомат бьёт прикладом по заднице, не давая отрубиться окончательно.

Красная пыль

16.09.37

Киплинг прав: в аду нет ни тьмы, ни жаровен, ни чертей. Достаточно одной пыли. Красная пыль была везде: она скрипела на зубах, забивалась в любую щель и намертво въедалась в одежду. После первых же километров грунтовок мой УАЗик из белого становился светло-кирпичным. Ничего не поделаешь, сухой сезон. Добро пожаловать в Африку.

Иллюстрация Макса Олина

До Солвези, ближайшего зачатка цивилизации, оставалось ещё шестьдесят километров. Мне надлежало полутьнуть на складе бухту оптокабеля, а в госпитале – новую канистру спирта. На добрый медицинский спирт у негров можно выменять что угодно, от интервью до живой курицы, и мы этим нагло пользуемся.

Я проезжаю мимо остовов тридцатитонных TEREХов, застывших на краю карьера, как мёртвые киты. Мимо экскаватора, бессильно склонившего шею в земном поклоне равнодушному богу. Подождите, родные, мы доберёмся и до вас. А пока ребята из геологоразведки решили «потыкать веточкой» шахту Лумвана, очень надеюсь успеть до дождей.

А я каждые три-четыре дня глотаю пыль, подменя водителя: тот поймал особо злобную дизентерию и улетел в Кабве на санитарном автожире. Добрался что кум королю: для «Мухи» нет ни колдобин, ни пыли, ни даже воздушных ям. Я кручу баранку, слушаю урчание дизеля, и радуюсь, что у меня машина с мягким верхом, наезжая на очередную кочку. До Солвези ещё больше часа...

•••

Госпиталь Советского Красного Креста стоял на отшибе, рядом с маленькой рощицей. Двухэтажная коробка основного блока да флигель-полусфера, где врачи оставались ночевать, если некогда было ехать домой. Дальше шли облупившиеся лачуги, огороды, а за ними, насколько видел глаз, тянулась красно-рыжая степь, поросшая засохшей травой и кустами. Нераспаханный африканский буш.

Доктор Роговский, исправно пополнявший наши запасы, укатил в Лусаку, готовить курсы для местных санитаров. «Зайдите к Ире» – вот и всё, что он успел нам отписать.

Экран со списком персонала, как и в любой советской больнице, висел на первом этаже, сразу напротив входа. Ирина Вольникова, фельдшер-ассистент, кабинет 202. Имя было подсвечено красным, но я не обратил на это внимания.

Я поднялся на второй этаж, нашёл нужную дверь и постучал. Примерно через полминуты мне открыла девушка, закутанная, словно мумия. Между колпаком и маской виднелась только пара зелёных глаз да вопросительно поднятые брови.

- Прощу прощения, видимо, я не вовремя
- Мы скоро закончим, подождите внизу.

Ира вышла минут через пятнадцать. Вместо операционной робы, заляпанной красным и жёлтым, на ней был

белый халат, застёгнутый на все пуговицы, несмотря на жару.

- Курт Ланге. Для своих – просто Курт.
- Ира. Для своих – она покосилась на очередь к регистратуре – Ирина Алексеевна. Чем обязаны?
- Ребята с Лумваны прислали за новой порцией. Дядя Костя сказал зайти к тебе.
- Племяннички... Недавно же приходили? Вы им что, машиныправляете?
- ...
- Приходи к восьми сегодня, как у меня смена кончится. Сейчас не до того, извини. От нас и так половину народа забрали. Я теперь ассистирую, Сашка пробирки крутит – так и живём.
- Много больных?
- А то не видно. Только за утро две ампутации, ладно хоть чистые. Привозят поздно, никакой ингибитор не поможет.
- Главное, они будут жить?
- Жить будут. Знать бы ещё, на что жить...
- Проживут, с нашей помощью – мне хотелось хоть чем-то её ободрить

– ...

– Что-то ты совсем загрустила. Вечером сделаю тебе маленький сюрприз в честь приятного знакомства.

– Господи, у нас и так каждый день одни сюрпризы. Каждый второй с букетом, каждый пятый вообще на позитиве – холодное личико скривилось, словно от зубной боли – Что задумал?

– Таковую девушку сам бог велел пригласить в кино. В этих краях есть неплохой кинозал, о котором не все знают – по субботам зал закрывался, но за сходную цену Мозес-механик дал бы мне ключи: русским здесь верили на слово.

– Там же по-английски?

– Специально для тебя сегодняшней фильм будет на русском – я попытался изобразить самую обаятельную улыбку, какую только мог.

– Веди, кавалер. Если не понравится – ничего вам больше не дадим – она нервно усмехнулась, но, одёрнув себя, снова насупилась и пошла обратно к лестнице.

•••

Мы сидели в центре крошечного зала и смотрели «Апельсиновый день». Если утром она была снежной королевой, то теперь корка льда как будто растаяла. Халат заменило разноцветное платье, а волосы, раньше стянутые меди-

цинской резинкой, рассыпались по её плечам. Под конец фильма она взяла меня за руку, а потом – положила голову мне на плечо и... тихо заснула. Выключив проектор, я осторожно перенёс её на диван, стоящий сзади кресел, и укрыл курткой, а сам – достал из машины свёрнутый матрас и плюхнулся рядом, прямо на полу.

•••

Что-то случилось – это я понял, ещё подъезжая к бому. На взлётке, развернув винты кверху, стояли два наших К-16, а съезд на трассу преграждал усиленный пост полиции. Из сбивчивой тарбарщины полицейских я смог понять только «хоспитал».

Главный корпус стоял на своём месте, но от полусферы жилого блока осталась только передняя стенка: из белой с красным крестом она стала жёлто-бурой. Бельмо выбитого окна смотрело на рожицу, откуда и прилетела термобарическая смерть. На парковой скамейке сидел Роговский – почему-то без своей шляпы. На мой вопрос об Ире он молча протянул мне фляжку. Я пил из неё, и мир становился серым, как будто кто-то выкрутил насыщенность в ноль.

Через пару минут ко мне подошёл солдат из оцепления: он вырвал у меня фотоаппарат и с каким-то остервенением стал снимать, обходя площадку кругами. А потом мир выключился. Остался только запах соларки и жжёного пластика, в котором мне чудилась вонь палёного мяса.

Интерлюдия

За полученные материалы, в том числе фотографии того солдата, меня наградили премией Полевого. Второй степени. Я слушал речи ребят, которых награждали вместе со мной – умные, искренние, попадающие в тему – и прокручивал в уме свою. Назвали и моё имя. Я пожал руку главреду СовНов'а, взял конверт с сертификатами и подошёл к микрофону. В этот момент любые слова показались мне лишними. В конце концов, это всего лишь слова.

– Спасибо – я развернулся и прошагал на своё место.

•••

– Тебе в RedChan приглашают. Пойдёшь?
– Моё место там, в Африке. Север для меня вреден.
– Нам всем место в Африке – эту фразу я не понял, но переспрашивать не хотелось. – Надоест разъезжать

или остепениться решишь – дай знать. Хомут найдётся, была бы шея.

•••

С тех пор я так и не остепенился: сменилось целое поколение, а я продолжал ездить в командировки. А в перерывах – учить щеглов из новых наборов своей нехитрой науке.

Наверное, мы неплохо делали своё дело, если в сороковом году ОКНШ разразился Актом о защите медиапространства. Печально известным MSPA, что превращал «журналистов вероятного противника в зоне боевых действий» (то есть нас) в цели высшего приоритета, чем собственно «враждебные элементы». Акт снова и снова объявляли фальшивкой, а мы снова и снова испытывали фальшивку на себе.

Впрочем, MSPA только подтвердил сложившуюся практику: за нас взялись всерьёз ещё в начале 38-го. А года с 39-го вместо надписи PRESS мы могли рисовать на бронжилетах мишень – разницы не было никакой. В «Double Helix» показывали, как советские террористы из Spetsnaz маскируются под советских же репортёров – в реальности было строго наоборот. Мы работали под солдат, техников, гражданских и Бог знает кого ещё – вплоть до торговца оружием или муллы-шиита. Многие выдавали себя за сотрудников Reuters и CNN. Или мучились с чудовищными гиростабилизированными телевиками, прячась за километры от цели.

Ночь

04.07.61

Вот и сбылась мечта идиота. Старого упрямого идиота. Физнормативы сданы, наземный инструктаж пройден, визы – получены. Я шёл к метро, ощупывая в кармане новенький шлюзовой пропуск. Завтрашним утром мне предстоит вылет из Воропаева на объект Л5, он же – станция «Север», перевалочная база доброй половины марсианских грузов. Там нас подберёт «Капитан Колесников».

Я шёл через пустеющий парк, вращая головой по сторонам, как будто стараясь наглядеться. Отец тащил домой отчаянно сопротивляющихся детей, заигравшихся в оброну Момбасы, сделанной из десятка картонных коробок. На дальней скамейке лопухий матрос обнимал свою подружку, раскрасневшуюся так, что это было заметно даже в сумерках, при свете фонаря. Впереди меня возвращались

со спектакля в «Брёвнах» несколько студентов да женщина лет сорока. Ветер доносил обрывки их разговоров.

– ...ставь ИнСис, там хоть исходники посмотришь, хрен с ней, с поддержкой...

– ...Веня, мальчик мой, ты свою тётку сегодня в театр приласил, или на ChipInfo ваше проклятое?..

– ...я говорю: девушки, разрешите к вам подсоединиться. А одна мне и отвечает: только через ICR, и в режиме slave...

Навстречу – почти никого, только перед самым входом в метро я встретил троих крепких ребят в одинаковых брезентовых куртках. Бритые черепа и окладистые бородищи, не хуже моей собственной, выдавали в них коммунаров, причём – старой школы, уважающих традиции. У одного из них борода почти сливалась с лицом от характерного северного загара. Троица растворилась в людском потоке раньше, чем я успел разобрать эмблему на их нашивках.

Когда-то таким был и я. Что же, по крайней мере, у нас будет неплохая замена...

Из трёх десятков молодых балбесов нашей группы в живых осталось пятеро. Пятеро старых битых псов. Остальные, большей частью, в бессрочной командировке от Катанги до горючих песков Тобрука, пропитанных пролитой нефтью пополам с пролитой кровью.

Пятеро стариков: Казакевич, Проценко, Вася Рахманов, да мы с Бахтадзе – он и рекомендовал меня на Марс штатным корреспондентом. Я так и не узнал, что «дядя Гиви»

написал Персову, известному своей нелюбовью ко всем «дармоедам с зеркалками», если мне не только проставили открытую дату убийства, но и взяли на грузовой рейс вместо третьего экспедитора. Видимо, наша с Гиви репутация чего-то стоит не только среди профи.

•••

Когда я добрался домой, было уже далеко за полночь.

Рюкзак, перешитый из десантного, стоял в углу. В нём лежал старенький Nikon E50I, обычный «полтинник», только в индустриальном исполнении, да набор объективов: ЛОМО нынче не уступает даже Карлу Цейссу.

Все вещи убраны или выброшены. Рабочий стол, обычно заваленный бумагами, стерильно чист, только на краю сиротливо улыбается небольшая фотография. Чёрно-белая фотография. Зелёные глаза на ней кажутся серыми, а тёмно-каштановые волосы – угольно-чёрными. Я запер её в сейф и вышел на балкон.

Луна только что зашла, и звездное небо на горизонте сливалось с ночными огнями земли. Я смотрел в темноту, и мне казалось, что оттуда на меня ободряюще смотрят мои друзья: все, и мёртвые, и живые. Смотрел, видя там и её добрый взгляд.

Наверное, где-то далеко-далеко, за гранью расползшейся во все стороны ночи, в стороне от всех городов, она машет мне на прощанье рукой.

Авторы иллюстраций

Анна Хлыстова (spiritus-sacre),
Антон Иншаков (antTON),
Тимур Шарафутдинов,
Артём Хаменок (Kha),
Виталий (Virt),
Геннадий Пашков,
Макс Олин (dalaukar),
Вячеслав Говако (Crashmgn),
Владимир Филатов,
Алексей Перьян (reticent_i),
Алексей Гризо,
Василий Хазыков (Tugodoomer),
Александр Подгорный (sasha_gorec),
Евгений Лизин (soft-h),
Иван Бучко,
Игорь Савин (SAVAS),
Артем Бизяев (Арбуз),
Дмитрий Нарожный (schiva),
Арман Акопян (GUYJIN),
Лада Арлимова (Orphen-Sirius),
Ирина Тарнагурская.

Авторы рассказов

Владислав Шпаков,
Цокто Жигмытов – Чингиз Цыбиков,
Виктор Гвор,
Дмитрий Санин,
Павел Хренов,
Александр Погодаев,
Игорь Николаев,
Иван Роу.

Дизайн и вёрстка

Михаил Мельников
www.melnikoff.net